

100 ГРАММ СМЕРТИ

— АНТИУТОПИЯ —

ЧАСТЬ 2

ДАЖЕ ГНИЛАЯ СВОБОДА
ПОРОЙ ЛУЧШЕ, ЧЕМ НИЧЕГО.

Мария Слунцкая

Мария Слуницкая

100 грамм смерти. Книга 2

<https://litres.ru/74545179>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сбежав из тюрьмы, Кара возвращается на остров Свободы, где однажды обрела свой Дом. Но разве можно вернуться в прошлое? Ведь изменилась не только Кара, но и сам остров и даже его обитатели. А жених и вовсе превратился в холодного незнакомца.

Но шаткий мир Кары снова рушится, потому что смерть, как известно, не стреляет холостыми, а Регентство не дремлет... Тяжёлые испытания вынуждают девушку не только покинуть Либерти, но и сделать сложный выбор между любовью и справедливостью. Но что выбрать, если оба пути неминуемо приведут к катастрофе? В этом уравнении нет ответа, а Фолк и Дин – главные его составляющие...

Эта история для тех, кто любит, когда...

- чувства становятся оружием, а доверие - роскошью
- спокойная жизнь превращается в борьбу за выживание
- власть готова уничтожить любого, кто не согласен
- каждая разгаданная тайна дарит новую
- персонажи меняются так, что к финалу их невозможно узнать

Содержание

Глава 1. Гнилая свобода	4
Из дневника Эйрика Халле. Мысли	20
Глава 2. Звёздный переулок, дом 10	22
Из дневника Эйрика Халле. Новость	37
Глава 3. Снова в бегах	39
Из дневника Эйрика Халле. Эпоха Внешности	51
Глава 4. Бухта Темноты	53
Из дневника Эйрика Халле. Разделяй и властвуй	69
Глава 5. Признание и стыд	71
Глава 6. Долгая дорога к Дому	78
Из дневника Эйрика Халле. Истина	88
Глава 7. Встреча	89
Глава 8. Первый день	98
Глава 9. Шпанс и почти что драка	104
Глава 10. Прогулка в прошлое	111
Из дневника Эйрика Халле. Не сдавайся!	115
Глава 11. Чужие тайны и противоборство	118
Из дневника Эйрика Халле. Неудобный	126
Глава 12. Новое горе	128
Глава 13. Правда	132
Из	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Мария Слуницкая

100 грамм смерти. Книга 2

Глава 1. Гнилая свобода

*Вещи кажутся чудовищно
долговечными, когда умирают люди.
<i>Джойс Килмер</i>*

100 грамм предательства. Книга 1 БЕСПЛАТНО

Выбравшись из камеры, понимаю, что это совсем не Дин... В свете всё той же замусоленной лампочки я вижу перед собой Фолка.

Разочарование и облегчение ведут борьбу в моей душе, переплетаясь, словно лианы — крепко и на совесть. Так случается, когда одновременно чего-то ждёшь и страшишься.

— Эй, ты как? — рука Фолка ложится на моё плечо, от чего я вздрагиваю. Даже сквозь ткань рубашки истерзанную холодом кожу согревает тепло чужих пальцев. — Нам уходить надо...

Уходить.

Он прав. Но тело не слушается, а суставы заржавели и еле скрипят. Боюсь, что не справлюсь.

— Возьми себя в руки, Кара!

Шипение Фолка, наконец-то, выводит меня из ступора.

Киваю, соглашаясь, и мы устремляемся прочь. Прочь от камеры, прочь от пыток, прочь от боли.

Босые ноги скользят в грязи, и несколько раз я чуть не падаю. В конце концов, Фолк хватает меня за руку и тянет за собой, крепко сжимая мои пальцы.

Где-то впереди раздаётся лязг металла. Не успев вовремя затормозить, врезаюсь в спину Фолка, больно стукнувшись подбородком.

— Тс-с-с... — он прикладывает палец к губам. — Давай, сюда...

Фолк вталкивает меня в какую-то комнату и пинком захлопывает за нами дверь. Ужас наваливается на грудь тяжёлой глыбой, мешая вдохнуть, когда я понимаю, *где именно* мы оказались.

Здесь ничего не изменилось. Воздух такой же расплавленный, как мне запомнилось. В углу всё также краснеет печь, накормленная углём. А потом мне чудится знакомое шарканье.

Едва слышимое, едва уловимое.

Меня начинает трясти, пытаюсь предупредить Фолка, но уже слишком поздно. Возле печи вырастает тот самый старикашка и, ловко выхватив из огня прут с клеймом, резво бросается на нас. Его медлительность куда-то испарилась, и раскалённая пластина изящно танцует в воздухе.

— Ты... — нет никаких сомнений, он меня узнал. — Пришла за добавкой?

Раз — и пластина проходится в нескольких миллиметрах от моего лица. Фолк вовремя успевает выставить руку, перехватив стержень где-то посередине, но тут же вскрикивает от боли и разжимает пальцы — железо обжигает по всей длине. Споткнувшись, он падает, и старик летит вслед за ним. Громкий удар и железяка отлетает в сторону. Пока продолжается ожесточённая борьба, я подбираюсь ближе и хватаю прут за деревянную рукоятку. Оставленная им метка на левом запястье начинает ныть...

Старик уже оседлал Фолка и, воспользовавшись тем, что тот не может полноценно использовать обожжённую руку, сомкнул пальцы на его шее. Фолк хрипит, выдыхая последние крохи кислорода и не имея возможности вдохнуть новую порцию.

— Отпусти его! — требую, вытянув вперёд прут, словно меч.

— И что ты сделаешь? — шипит старик. — Клеймишь меня? — его мутные глаза становятся ещё безумнее, а почти беззубый рот расплывается в жуткой улыбке. — Кишка тонка!

Я беспомощно смотрю на Фолка, чьи хрипы становятся короче и тише. Ещё немного и... Не даю себе возможности передумать, делаю выпад, целясь в морщинистую щеку, но промахиваюсь и попадаю в глаз.

— Сука-а!

Руки старика взлетают к лицу, и Фолк, хватая ртом воз-

дух, скидывает противника. Тот валится на спину и воет от боли, затем отнимает ладонь, и я громко охаю. Там, где некогда был глаз, зияет безобразная рана, а по щеке стекает то, что от него осталось. Пустой желудок делает несколько сальто, в попытке избавиться от содержимого, которого нет.

— Кара! — Фолк дёргает меня за плечо. — Уходим!

Я убила человека. Три слова, от которых внутри разрастается ужас. Я убила человека. Я убила человека.

— Да никого ты не убила... — шипит Фолк.

Оказывается, я причитаю вслух.

— Ты его глаз видел?! Видел?!

— Глаз — не жизненно важный орган, проживёт. Кто он вообще такой? И что это за штуковина у него была?

— Лучше тебе не знать...

Сейчас мне меньше всего хочется обсуждать безумного старикашку.

— Может, ты и права. — Фолк пожимает плечами. — Но ты с ним, похоже, знакома?

Слишком много вопросов. Слишком много.

— Скорее с его штуковиной... — усмехаюсь я горько.

— Только не говори, что он тебя...

В голосе Фолка я различаю нотки жалости. Так и знала.

— Не важно... — отвечаю, потирая левое запястье. Напоминание о Кульпе останется со мной навсегда. — Лучше скажи, откуда ты взялся?

— Не сейчас... — Фолк останавливается, прислушиваясь.
— Давай сначала выберемся отсюда...

Что ж в его словах есть резон. Много ли толку будет от рассказа, если нас схватят?

Мы петляем по узким коридорам, словно по лабиринту. Вдруг мы не найдём выход? Вдруг за очередным поворотом столкнёмся нос к носу с охраной? Паника въедливым паразитом атакует сознание. Мои силы на исходе — адреналин выветрился, и каждый шаг для меня непосильное испытание.

— Подожди... — я приваливаюсь к влажной стене и тяжело дышу. — Не так быстро...

— Некогда прохладиться... — Фолк нетерпелив, впрочем, как обычно. — Отдохнёшь на свободе.

Свобода. Пробую некогда любимое слово на вкус, да только оно горчит, словно червивое яблоко.

— У меня нет сил... — жалобно скулю, вытирая слёзы.
— Я просто не могу двинуться дальше.

— Послушай... Я знаю, ты истощена. И ты устала. — Фолк берёт меня за руку. — Потерпи, и я обещаю, что скоро ты отдохнёшь и поешь... — он сжимает мою ладонь, успокаивая. — Давай, подыши и... погнали.

И я дышу. Вдох, затем выдох. И так несколько раз.

— Готова?

Я лишь киваю в ответ. Ведь по итогу даже гнилое яблоко лучше, чем ничего.

Сквозь решётку пробивается тусклый свет луны. Значит, сейчас ночь. Хотя оно и логично — какой дурак будет сбегать из Кульпы среди бела дня?

Фолк выбивает решётку, несколько раз пнув её ногой, и отставляет к каменной стене.

Выбираюсь из тоннеля и прикрываю глаза. После каменного пола влажная и мягкая земля как будто ласкает ступни, а ледяной холод отступает.

— Давай.

— Постой... — прошу я.

— Что ещё? — Фолк оглядывается, в глазах — нетерпение.

Словно новорождённая, делаю свой первый вдох. Здесь дышится совсем иначе. Свежий воздух царапает горло, но ощущения приятные. В Кульпе было иначе: там ветер шнырял по камере, заползал в щели, рыскал по углам и дышал на меня сырой гнилью. Придётся учиться дышать заново. И жить — тоже.

— Сколько... Сколько времени я провела в тюрьме?

— С того момента, как ты пропала, прошёл год.

Год. А по мне — целая вечность.

Вечность, которую никто уже не вернёт.

Наш путь лежит через Пиковый лес. Огромные зазубренные скалы тянутся к небу, будто настоящие деревья, только стволы у них каменные и мёртвые, а листвы нет и в помине. Здесь чувствуешь себя ничтожным червяком, замахнувшимся на то, что тебе не по плечу. Хотя какие могут быть плечи у беспозвоночного?..

— Я не могу, Фолк. Прости...

Сделав ещё пару шагов, я просто сажусь на землю, не в силах двинуться дальше. Мышцы превратились в камень, в такие же неподъёмные скалы, что окружают нас.

— Если мы не уйдём отсюда до утра, нас поймают... — уговаривает Фолк.

«Да знаю я!» — хочется крикнуть мне, но сил нет даже на шёпот.

Выход забрезжил, словно рассвет на горизонте — неотвратно и неминуемо. Знаю, что именно должна сказать, но язык не поворачивается попросить Фолка уйти без меня. Ведь вот она свобода — близко-близко, я чувствую её дыхание, но стоит протянуть к ней руку, она ускользает от меня, словно призрак.

— Уходи сам... — всё-таки выдавливаю я.

— Ладно! — соглашается Фолк. Вот так просто. А потом добавляет: — Тогда я тебя понесу...

Он подходит ко мне и, наклонившись, отрывает от земли, словно я ничего не вешу.

— Ты всё равно что пушинка...

Мой слабый протест остаётся незамеченным. От Фолка пахнет до боли знакомо — горькими травами, хвоей и мятой. Вдыхаю родной аромат Либерти. Под мерные удары чужого сердца, кутаясь в чужое тепло, веки сами собой закрываются, и я засыпаю.

Снится мне остров с его чудесными садами и лесами. И посреди всего этого великолепия застыл Дом. Он взирает на меня своими глазами-окнами с немимым удивлением — мол, зачем вернулась? А на крыльце стоит Дин и машет мне, улыбаясь, как прежде.

— Просыпайся, Карамелька...

Вздрагиваю и открываю глаза. Старое прозвище звучит

пощёчиной, напоминая о прошлом, к которому нет возврата. Мой сон оттуда же — из страны воспоминаний, где время застыло, будто кто-то невидимый повредил его механизм, не позволяя бежать дальше, словно и не было предательства и Кульпы. Только на самом деле оно несётся вперёд, сменяя всех на своём пути, перемалывая душу в порошок.

Я всё ещё на руках у Фолка, отчего чувствую себя неуютно.

— Опустить меня... — прошу, озираясь по сторонам.

Скалы вокруг поредели, но Пиковый лес ещё не закончился, скорее — мы на его опушке. Фолк бережно ставит меня на землю, но голова всё равно начинает кружиться.

— Ты как?

— Лучше... — киваю я. — Но слабость дикая.

— На, попей воды...

Фолк протягивает мне бутылку с водой, и я жадно пью. Впервые за столько времени я могу пить столько, сколько хочу.

— Хватит, хватит... сразу так много нельзя, а то станет плохо...

Покорно отдаю бутылку и приваливаюсь к одной из скал, на ощупь она сухая и прохладная.

— И что теперь? — шепчу я, но в тишине голос гремит набатом. — Надеюсь, у тебя есть план?.. — добавляю чуть тише.

Фолк засовывает руку в щель между двух скал и достаёт

рюкзак.

— Вот, держи... — из рюкзака он вытаскивает пару ботинок. — Без них тебе болото не перейти...

— Болото? Но ведь оно считается непроходимым...

— Да, но я-то здесь? — он улыбается своей кривой улыбкой. — Дорога к Кульпе только одна, и она охраняется так, что и мышь не проскочит. Выбора нет.

Вздыхнув, натягиваю ботинки, которые оказываются впо-ру.

— Как ты узнал мой размер?

— Я наблюдательный... — Фолк пожимает плечами. — А теперь перекуси. Ничего особенного, — протягивая лепёшку, извиняется он, — но обещаю, что как только выберемся отсюда, покормлю тебя как следует.

Смотрю на лепёшку во все глаза. Никогда не думала, что еда может быть такой красивой... Откусываю крохотный кусочек и с наслаждением прикрываю глаза. Как мало человеку нужно для счастья и как много, чтобы это счастье удержать в руках.

Закончив с едой и сделав несколько глотков воды, я чувствую себя гораздо лучше.

— Готова?

— Да.

— Тогда пошли... — выудив из всё той же расщелины две палки, он протягивает одну мне.

Обогнув ещё несколько скал, мы выбираемся к болоту.

Деревья здесь растут густо, топь кажется непроходимой, а её поверхность сплошь покрыта густой застоявшейся жижей, от которой поднимается пар и исходит мерзкое зловоние. Вонь стоит такая, что меня начинает тошнить.

— Иди за мной шаг в шаг, используй посох, как опору... — инструктирует Фолк. — На вот... Обмотай лицо, как шарфом и старайся не дышать глубоко. Эти испарения вредны для организма.

Я принимаю из его рук кусок светлой ткни и делаю, как он сказал.

Вопреки моим впечатлениям, здесь всё-таки находятся островки твёрдой суши, покрытой сухой травой. Фолк довольно уверенно передвигается тут. Он ни разу не задумался, куда поставить ногу, с какой стороны обойти непроходимые участки.

— Как ты отыскал эту тропу?

— Я очень долго готовил твой побег. Несколько месяцев рыскал, в поисках безопасного пути. Потом ещё столько же времени исходил его вдоль и поперёк, чтобы запомнить как следует... Как ты понимаешь, права на ошибку у нас нет, как и времени на блуждания...

Самый важный вопрос вертится на языке: кто послал Фолка за мной, но я не решаюсь его задать... Слишком свежи воспоминания о том времени, когда я превратилась на Либерти в изгоя, а затем последовало и предательство. Решаю подождать с вопросами до того момента, как мы выберемся

отсюда. *Если* выберемся.

— Откуда здесь это болото?.. — вздыхаю, снова едва не провалившись в тёмную жижу.

— Когда-то здесь было озеро, — отзывается Фолк. — Болото всего лишь результат естественных процессов природы.

— Это каких же?

— Любое озеро со временем стареет. Мельчает, а его поверхность начинает цвести. Растения и животные, умирая, тоже падают на дно. Постепенно озеро превращается в болото. Появляются кочки, разрастается тростник. Но не всё, что выглядит твёрдой землёй, ею является. Под некоторыми кочками скрывается топь. Так что шагай след в след за мной, иначе погибнешь.

Ночь, кажется, длится вечно. Небо будто укрылось рваным покрывалом из облаков, и только сквозь небольшие проплешины кое-где слабо мерцают звёзды. Луны не видно совсем, и в крошечной тьме я каждый раз боюсь оступиться или провалиться в болото. В остальном темнота меня совершенно не пугает. Лес не таит столько опасности, сколько таят её в себе люди... Шелест ветвей над головой — это всего лишь птицы или белки, а хищники в болото вряд ли сунутся — их инстинкту самосохранения можно только позавидовать. Люди — вот наша главная опасность.

Поднимаю глаза от очередного клочка земли и негромко вскрикиваю. Передо мной зависла длинная прозрачная фигура бестелесного существа, с расплостёртыми в стороны ру-

ками. Попятившись прочь, я слишком поздно соображаю, что позади — трясина, и со всего маху плюхаюсь в жижу, которая тут же начинает тянуть меня вниз.

— Ёпта! — Фолк спешит ко мне, даже не обратив внимания на приведение, застывшее рядом. — Палка! Палка с тобой?

— Д-да...

— Ну-ка ляг и, опираясь на палку, постарайся спокойно вытащить ноги по очереди, только без рывков. Я тебе помогу! Давай же...

Я повинуюсь его спокойному голосу, хотя всё, чего мне хочется — это размахивать руками и ногами, лишь бы освободиться, лишь бы выбраться из мутной густой трясины, которая хлопает при каждом движении, точно чавкает и урчит, заглатывая меня.

— Пожалуйста, Фолк... Помоги мне!

Не желаю умереть вот так. Уже лучше быть пристреленной в тюрьме.

— Давай, давай... — повторяет Фолк. — Вот, вот... Держу.

Он тянет меня вверх, но медленно, по миллиметру. Спустя вечность я всё-таки оказываюсь на твёрдой земле. Вся в грязи, но живая и невредимая.

— Спасибо, спасибо тебе... — шепчу я. Во рту привкус гнили и страха. — Я думала, мне уже конец...

— Это я, дурак, тебя не предупредил... Для меня эти

приведения уже как родные... — он кивает на белое существо, парящее в воздухе. — Хотя первый раз сам чуть не провалился в трясину, так перепугался. Это не призрак. Всего лишь выходящий из-под земли газ самовоспламеняется и сгорает на воздухе...

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю, переводя дух.

— Пришлось изучить этот вопрос, когда впервые столкнулся... А теперь идём. Сможешь идти?

— Не знаю, но выхода-то нет.

— Да, нам нужно поторопиться... Скоро наступит утро.

Наконец-то мы выбираемся из болота. Мокрые, грязные, уставшие, но живые и невредимые. Меня ноги едва держат, голова идёт кругом, и всё-таки я чувствую в себе силы, чтобы двигаться дальше. Только вот куда?..

— Так у тебя есть план? — снова спрашиваю чуть осипшим голосом: вода кончилась ещё несколько часов назад.

— Конечно! Тебе нужно отдохнуть, поесть и привести себя в порядок. Но нам нужно покинуть лес до того, как взойдёт солнце...

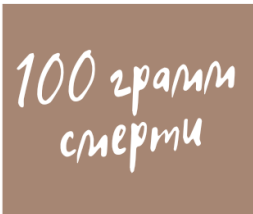
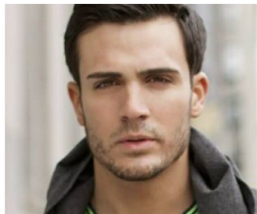
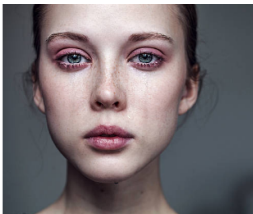
Я лишь киваю, надеясь, что справлюсь. Идти теперь легче: земля под ногами сухая и твёрдая, а мерзкая вонь осталась позади, не считая запаха, исходящего от меня.

Спустя, наверное, пару часов, мы выходим к окраинам Олимпа. Когда-то здесь был только лес, но лет двадцать назад особенные облюбовали это место за уединение и свежий

воздух и окрестили его Бархатным кварталом. Стройка продвигалась быстро, и даже соседство с Кульпой никого не пугало, ведь тюрьма отсюда располагается довольно далеко, да и сбежать из заточения на моей памяти никому не удавалось. Думаю, сильные мира сего и не задумывались, что им здесь может угрожать опасность.

Мы проходим несколько улочек с вычурными домами и останавливаемся на пустынном перекрёстке. Ни машин тебе, ни пешеходов. Спальный тихий район у самой кромки леса, тихая ночь и мы — преступники, на которых наверняка уже открыли охоту. Стоит мне только представить, как Плюкаш рыщет в округе, злобно вращая своими свинячьими глазками, и меня пробирает озноб.

— Почти пришли! — Фолк берёт меня за руку и тащит за собой. — Здесь недалеко. **###Немного атмосферы###**

Из дневника Эйрика Халле. Мысли

На дворе стоит глубокая ночь. Луна словно примёрзла к небу и скалится в окно. Сегодня мне совсем не спится — в голове ворох тяжёлых мыслей. Решаю довериться бумаге, ведь она, как известно, всё стерпит.

Раскрытый блокнот уже лежит передо мной. Подарок на годовщину свадьбы от моей дорогой Эм...

Чёрная кожаная обложка с золотистым тиснением, плетёный шнурок-закладка и разлинованные жёлтые листы с узорным обрамлением по краям — так и манят взяться за ручку. Пожалуй, это будет лучшим решением в сложившейся ситуации. Кто знает, как повернётся жизнь, и что с нами будет завтра?

Эм давно спит, свернувшись калачиком на старенькой кровати, и выглядит такой уязвимой, что больше походит на маленькую девочку.

Девочку, которой так некстати пришлось повзрослеть.

Как бы я хотел, чтобы ей никогда не пришлось страдать... Увы, подобное не в моей власти. Но я могу хотя бы попытаться изменить нашу жизнь и побороться за нашу свободу.

Эм заворочалась, будто каким-то непостижимым образом прочла мои тягостные мысли. Я украдкой люблю её. Она прекрасна в своей красоте, такой чистой и непорочной, что я готов смотреть на неё вечно. Её длинные волнистые волосы

призывно растеклись золотом по подушке — так и хочется коснуться их, пропустив шелковистую прядь между пальцев.

Но я не смею.

Глава 2. Звёздный переулок, дом 10

Через несколько минут мы оказываемся на одной из тех тихих улочек, где рядками стоят дома особенных. Неожиданно сквозь растрёпанные облака выглядывает луна и, словно всевидящее око, с усмешкой следит за нами — под её холодным светом мы как на ладони, и я в нетерпении дёргаю Фолка за рукав.

— Нам сюда... — быстро глянув по сторонам, Фолк подходит к высоченному забору, на котором ярким пятном выделяется золочёная табличка с названием. *Звёздный переулок, дом 10.*

С лёгкостью подтянувшись, он перепрыгивает на ту сторону. Жмурюсь в страхе, ожидая, что сработает сигнализация, переполошив всю округу, но тишину нарушают только тихие шаги Фолка там, за стеной.

Открываю глаза, озираюсь. Напряжённо разглядываю пустынную улицу — не ровён час, появятся фантомы или Полиция. Мечтаю забиться в какую-нибудь тёмную щель и больше оттуда не вылезать.

Ещё через пару секунд, показавшиеся мне вечностью, калитка со скрипом открывается.

— Прошу. — Фолк в шутливом поклоне приглашает меня войти, что я и делаю.

Оказавшись в саду, замираю в изумлении, увидев особ-

няк вблизи. А посмотреть здесь действительно есть на что: стены полностью украшены разноцветной мозаикой, которая поблёскивает в бледном свете луны. Присмотревшись, я понимаю, что это не просто узоры, а настоящее произведение искусства... Белые пятна между окнами третьего этажа оказываются облаками, а окна второго, расположенные на разной высоте, — это... кабинки Арки! Картину дополняет канал Дружбы — он как будто берёт своё начало из парадных дверей, которые сейчас наглухо закрыты. С опозданием замечая, что ни одно окно не светится, здание как будто впало в спячку. Только кривые ветви деревьев скребутся о стены, словно в мольбе. Мы поднимаемся по ступенькам крыльца, а под ногами шуршит гонимая ветром палая листва, отчего сад выглядит заброшенным.

— Чьё это жилище?

— Знаешь жевальню на пересечении Янтарной и проспекта Славы?

— Угу... Шафран, кажется?

— Да, точно. Так вот, это дом владельца.

— Ты шутишь?!

— Ни капельки.

— Ты что же, решил взять его в заложники?

— Ёпта, нет, конечно! Его сейчас нет в городе — улетел в отпуск. Так что...

— Мне это не нравится... Нам нужно бежать как можно дальше из города...

— Спешка — удел глупцов... — деловито замечает Фолк.

Поколдовав у входной двери, Фолк распахивает её с таким видом, будто совершил чудо. Впрочем, так и есть, ведь особенные славятся своими сигнализациями и ловушками для воров.

Переступив порог, я снова озираюсь. Что, если откуда ни возьмись появится хозяин?

— Так... Сейчас... — Фолк уже колдует у панели на входе со множеством кнопок. — А вот она... — он нажимает какую-то кнопку, и на окна начинают напозать ставни, точно веки на глаза. — Теперь можно включить и свет.

Ещё одна кнопка и вокруг становится светло. Глаза начинают слезиться. Проморгавшись, наконец-то могу осмотреться. Натёртые полы блестят так, что можно с лёгкостью разглядеть своё отражение, повсюду стоят какие-то вазы, величиной с меня, а то и с Фолка. На одной из стен портрет Регента V во весь рост в золочёной раме — он величаво глядит на меня сверху вниз.

Венцом по праву можно считать лестницу, спиралью уходящую вверх... Перила, небось, ручной работы — столько мелких завитков и лепестков просто не может сделать машина.

— Я поищу ванную комнату... — решаю подняться по лестнице и осмотреть верхние этажи, пока Фолк продолжает хлопотать у дверей.

Жилище особенных поражает своим размахом не только

снаружи, но и внутри. По сравнению с крохотными отсеками стандартных, это — настоящие хоромы, а уж если сравнивать с консервной банкой, в которой я провела последний год, то и целый дворец.

Три этажа роскоши и богатства. Я брожу по комнатам, а со стен осуждающе глядят особенные — их портреты здесь повсюду. Не удерживаюсь и показываю язык обрюзгшему старику в цветном галстуке — его портрет мне кажется самым неприятным: старикашка как будто осуждающе качает головой — ещё чуть-чуть и погрозит пальцем.

— Спать будем внизу! Лучше быть ближе к выходу! — доносится до меня из холла.

Холл — это просторный зал, где при желании можно поселить с десятков стандартных со всеми удобствами... Остётся только гадать, зачем особенным столько пространства.

— Ладно... — бормочу, совсем забыв, что нас разделяют два этажа, и Фолк меня вряд ли слышит.

В одной из комнат мне попадает что-то вроде витрины — под стеклом покоится с десятков фотоаппаратов различных видов и форм. Четвёртый по счёту кажется очень знакомым... Ну конечно! Я видела такой давным-давно, в прошлой жизни... Воспоминание о Дине острым ножом вспарывает грудь — несмотря на его предательство, я всё ещё тоскую по нему.

Повинуясь внезапному порыву, приподнимаю крышку и берусь двумя пальцами за ремешок, когда позади раздаётся

скрип двери. Фолк. Он подходит и встаёт рядом.

— Хочешь взять на память? — в его голосе ни капли привычной иронии.

Задумываюсь. Действительно, а чего я хочу? Перед глазами всплывает образ Дина. Хочу взглянуть ему в лицо. Хочу услышать правду, иначе мерзкий шёпот Тины так и будет меня преследовать до конца моих дней. Но о таком не принято говорить вслух, так что я лишь отрицательно качаю головой:

— Мне он ни к чему.

Фолк пристально изучает меня, прежде чем кивнуть в ответ:

— Я буду на кухне, поищу, чем тебя накормить. А ты... — он оглядывает меня с ног до головы, — приведи себя пока в порядок. Проблем с этим точно не будет — здесь ванн больше, чем окон, выбирай любую.

— Спасибо...

Фолк кажется удивлённым. Неужто думал, я не поблагодарю?

— Не стоит.

— Как бы там ни было, но ты вытащил меня из тюрьмы.

Он смеряет меня долгим взглядом, но как я ни стараюсь, не могу до конца понять, о чём он думает.

— Чуть не забыл. Вот, это тебе... — только сейчас замечаю в его руке какой-то свёрток. — Специально раздобыл...

Он скрывается за дверью, а я остаюсь совсем одна, комкая свёрток в руках.

Приведи себя в порядок.

Легко сказать... Можно отдраить тело, смыв с себя все следы тюрьмы, только вот получится ли очистить душу?

Думаю, вряд ли.

Ни одно мыло не способно отстирать боль и предательство. Сколько ни три, но пятна останутся на всю жизнь. Они могут поблёкнуть, но никуда не исчезнут.

Вздыхая, плетусь искать ванную комнату. Мечты сбываются — по крайней мере, я наконец-то помоюсь. Захожу в одну из спален, обставленную, небось, по последнему слову моды: бордовый шёлк всюду — и на окнах, которые, благодаря Фолку, закрыты ставнями с наружной стороны, и роскошная кровать застелена покрывалом в тон, и ковёр на полу больше напоминает поляну с бурой травой, и даже массивный балдахин перекликается цветовой гаммой. Наверное, подобная палитра располагает ко сну, хотя мне сейчас хватило бы просто закрыть веки. С трепетом смотрю на кровать, но меня в первую очередь интересует горячая вода. Отосплюсь потом.

У входа в ванную комнату сиротливо висит сканер. Стоит приложить ладонь, как на экране появится Зефирка и радостно сообщит, что я имею статус испорченной. Или и того хуже — обзовёт неудобной. Интересно, если расколошматить сканер, сюда примчится Полиция Внешности? Решаю, что рисковать не стоит.

Ванная комната отделана то ли белым гранитом, то ли

мрамором — эйдос его знает, я в подобных вещах не разбираюсь. Но одно знаю наверняка: после меня здесь точно не помешает прибраться.

Негнушимися пальцами расстёгиваю и снимаю с себя рубашку. Точнее то, что от неё осталось. Одни лохмотья. Грязные, рваные... Примерно то же самое произошло и с моими чувствами к Дину: они измазаны и изорваны в клочья. Бросаю рубашку в угол, ещё и ногой задвигаю подальше, с глаз долой... Вот бы и мою любовь к Дину оставить гнить под чужой ванной.

Из огромного, во всю стену, старинного зеркала на меня глядят испуганные затравленные глаза. Подхожу ближе и придиричиво себя осматриваю. Нет, это не я. Бледная тень, живой скелет, обтянутый кожей. Под глазами километровые синяки, а волосы сваялись в сплошной колтун. Грязь как будто впиталась в кожу — только голубые вены всё равно проступают, напоминая, что по ним хоть и вяло, но всё ещё бежит кровь. Я жива, пусть и выгляжу как мертвец.

Залезаю в ванну и жму кнопки, которых здесь больше, чем на любой панели фудбокса. Сначала меня атакуют ледяные струи, но затем вода становится тёплой, и я блаженно прикрываю глаза.

Воду пришлось менять четырежды, а мочалку можно выбросить. Покрасневшая кожа саднит и ноет, но оно того стоило — грязь почти вся сошла. С волосами всё гораздо хуже — сколько их ни промывай шампунем, колтун не распутать,

и три сломанные расчёски — прямое тому доказательство. Так что я беру в руки ножницы и безжалостно срезаю пряди под корень. В конце концов, это всего лишь волосы, которые в будущем отрастут. Если у меня будет это самое будущее.

В свёртке Фолка оказывается моя старая одежда. Натянув всё на себя, снова смотрюсь в зеркало. Вещи болтаются на мне, точно я вешалка, а лицо до того худое, что о скулы можно порезаться. И ёжик криво подстриженных волос привлекательности тоже не придаёт, а скорее делает похожей на мальчишку, тем более что там, где некогда угадывалась грудь, стало совсем плоско.

Спускаюсь всё по той же винтовой лестнице. С некоторых пор моя жизнь тоже совершила несколько витков, и я не знаю, что будет ждать в конце. Пришло время выяснить это. Крепко цепляюсь за перила — слабость такая, что один неосторожный шаг, и я кубарем полечу вниз.

Фолк сказал, что будет на кухне, но я даже не представляю, где в этом дворце искать кухню. Оказавшись в холле, решаю просто искать, заглядывая в каждую дверь, но мне везёт: уже за третьей я нахожу Фолка.

Помещение очень напоминает кухню Дома. При воспоминании о кухне свободных, где хозяйничала Ви-Ви, грудь обжигает лёд.

Всё было ложью.

Фолк гремит посудой, открывает дверцы шкафчиков, и на столе быстро появляются тарелки и приборы.

— Ты отстригла волосы... — он замирает с чашками в руках.

— Да тебе в фантомы надо, произведёшь фурор... — замечаю я с усмешкой, присаживаясь на высокий стул с железной спинкой. — Их всё равно было не спасти.

— Тебе и так хорошо, — произносит Фолк, уверенно накрывая на стол. Будто знает, где что лежит.

Запах еды сводит с ума... Совсем как в мой первый день на острове, только меню отличается. Здесь сыр, суп и дымящийся напиток — наверное, чай. Рот наполняется слюной. И я уже тянусь к кусочку сыра, когда Фолк перехватывает мою руку, поворачивая запястьем вверх. Клеймо. Я совершенно о нём забыла. В горячей воде шрам распарился и немного посветлел, но никуда не исчез.

— Это что?

— Дай мне поесть, пожалуйста. — Прошу, выдирая руку. От его прикосновения мне хочется снова вернуться под душ. Слишком уж я одичала в тюрьме.

— Ладно. Не хочешь — не рассказывай.

— К чему всё это? Ты ведь и так всё понял... И не говори, что нет.

— Это тот старикан постарался. — Он не спрашивает, а утверждает.

— Верно. А теперь я могу всё-таки поесть?

— Конечно. Ешь, набирайся сил. Как только ты отдохнёшь, двинемся дальше.

Дальше. Интересно, а куда это, дальше?

Вопрос жалит ядом, но я не решаюсь его задать. Не время.

Кладу, наконец, в рот кусочек сыра и с наслаждением закрываю глаза. Ради этого стоило умереть. Точнее — выжить. Суп на вкус тоже божественен. Нет, это не Фолк великий повар, скорее я — очень непривередливый ценитель.

Сглатываю подступивший к горлу комок, а потом громко спрашиваю:

— Зачем ты вытащил меня?

Делаю большой глоток дымящейся жижи, прикрываясь кружкой в стремлении скрыть свою неуверенность. На вкус действительно напоминает чай, только без примеси трав, какие в напиток добавляли на острове.

Фолк вздрагивает и поднимает голову. Потом откладывает ложку.

— Ты бы предпочла остаться в тюрьме? — его голос лишён привычной иронии. Мне бы радоваться, но я, напротив, пугаюсь. Что стряслось с этим парнем? Его ведь лепёшками не корми — дай поглумиться.

— Нет.

— Ну вот и славно... — он снова принимается за суп.

Я уже смела свою порцию и тянусь за добавкой, но Фолк категорично качает головой:

— Давай не будем искушать судьбу. Утром поешь ещё, лады?

Он снова прав. Не хватало ещё, чтобы от жадности меня

в итоге вырвало.

— Так зачем сначала избавляться от меня, а потом спасать?

— Избавляться?

Фолк удивлён и вроде как вполне искренне. Даже ложка в руке замерла. Неужели так хорошо играет?

«Они все прекрасно играли, — напоминаю я себе. — И мне пришлось за это поплатиться собственной свободой...»

— Не надо. — Мотаю я головой. — Говори правду.

— Правда в том, что в тот далёкий день я вернулся на остров, а тебя нет. Ты просто... исчезла.

Взвешиваю услышанное. Может, так и было, но ведь это совсем не значит, что он не участвовал в заговоре? Или значит?

— Что было дальше?

— Несколько добровольцев обыскали Либерти вдоль и поперёк...

Он поднимается из-за стола и начинает убирать посуду в раковину. Потом включает кран. Вот же чистюля.

— Кто?

— Я, Дин, Аниса, Тьер, Крэм, Бубба и Тина. — Последнее имя словно плевок в душу. — И обнаружили твой оберег у обрыва. Всё указывало на то, что ты случайно упала и...

— И утонула?

Фолк кивает.

— Именно. Магнус очень быстро ухватился за эту теорию.

На том и порешили...

В груди становится горячо, будто безумный старикашка прикоснулся к сердцу своей железякой.

Ты большие не нужна Дину. И Либерти ты тоже большие не нужна.

— Тогда как ты узнал, что я в Кульпе?

— Поспрашивал там и сям, точнее — послушал.

— Это где же?

— Места надо знать! — кажется, терпение Фолка на исходе. — Я что, на допросе?

— О, нет. Поверь мне, *допросы* проводят иначе.

В моих словах горечь всего мира, из которой не выбрать-ся, сколько ни барахтайся.

— Прости. — Он смотрит на меня с сочувствием. — Может, ты всё-таки расскажешь, что случилось на самом деле?

— Тина. — Просто произношу я. — Она столкнула меня. А перед этим... сказала... что я больше не нужна Дину. И остальным — тоже.

— Ревнивая дрянь! — выругался Фолк. — Она говорила, что вы собирали цветы и разошлись в разные стороны, а когда она вернулась, тебя уже не было. Тина решила, что ты вернулась в Дом...

— Всё было совсем не так...

— Вот и я не особо ей поверил.

— Почему это?..

— Слишком уж она за тебя переживала... А вы ведь тер-

петь друг друга не могли, а тут... Я заподозрил неладное, ну и...

— Ты что же, думаешь, Тина сама действовала?

— Не знаю. Ты ведь помнишь, как она отреагировала на новость о вашей свадьбе.

Свадьба. Слово бьёт наотмашь.

— Но она сказала...

— Говорить можно много чего, ты и сама знаешь...

Голова идёт кругом. Неужели всё так просто? Влюблённая дурочка избавилась от соперницы? Сердце сжимается в комочек боли и облегчения. Если никто больше не знал... Значит, и Дин ни при чём.

— Хотя не удивлюсь, если она действовала по приказу Магнуса. Ты ведь тогда как раз попала в... — он делает паузу, подбирая нужное слово, — *немилость*.

— Немилость? — улыбаюсь горько. — Теперь это так называется?

— Не придирайся... Лучше расскажи, что случилось потом...

— Я мало что помню. Кажется, меня вынесло на берег... И сердобольные рыбаки вызвали Полицию. Очнулась уже в камере.

— Да, это вяжется с тем, что слышал я. Ты наделала шуму.

Фолк раскладывает тарелки по местам, затем вытирает со стола. Его движения чёткие и быстрые, будто он здесь уже бывал. Как много я о нём не знаю?

— Ладно, расскажи лучше, как ты проник в тюрьму?

— Шпанс...

Ну, конечно... Старый добрый Шпанс... Выходит, если бы не он, я бы так и гнила в тюрьме. На глаза наворачиваются слёзы благодарности. Оказывается, я ещё помню, как это — плакать не только от боли.

— Как там этот старый брюзга? — спрашиваю, усиленно моргая, прогоняя слёзы. Они принадлежат только мне, не хочу, чтобы Фолк глазел на меня.

— Всё изменилось, Кара. Теперь на Либерти всё иначе.

От его слов у меня мурашки по телу. Думаю, так и есть. Потому что даже сам Фолк изменился. Но я не могу представить, какие перемены могли произойти на острове.

— Что... Что случилось? Неужели...

— Нет, не волнуйся, Шпанс жив! — успокаивает меня Фолк.

Я облегчённо выдыхаю.

— Как же вам удалось меня вытащить?

— Нам пришлось очень непросто... — он присаживается на стул. — Это одна из причин, почему мы так долго готовили твой побег... Шпанс... Как бы это сказать... время от времени он становится не в себе.

— Как это?.. — не понимаю я.

— У него сильные боли, и иногда он бредит и никого не узнает. Его даже переселили в Лазарет, правда, всего на пару дней. Как только он пришёл в себя, сразу же вернулся в свою

берлогу... Ты же знаешь, какой он упёртый.

Конечно, знаю. И отлично помню, как Шпанс несколько часов пытал меня расспросами о Музее. Мы тогда даже крепко поспорили, потому что я торопилась на дежурство к Биргеру. Пожалуй, именно тогда между нами и завязалось подобие дружбы.

— Сейчас он уже совсем не тот, что раньше. Практически не разговаривает и совсем не выходит на улицу. — Фолк глубоко вздыхает. — Думаю, ему недолго осталось.

И снова внутри меня неведомый комочек сжимается ещё сильнее. Я уже не утираю украдкой слёзы, а тру глаза рваными движениями, и пусть Фолк видит, плевать! Сейчас я горюю о том времени, которое у меня отняла Тина. Я будто осязаю его, точно оно витает в воздухе.

— Но это ещё не всё.

Не всё? Что ещё могло произойти?

— О чём это ты?

— Магнус. Он... умер.

Из дневника Эйрика

Халле. Новость

Не так давно Регент выступил на ТВ с новым постановлением. Так сказать, вбил очередной гвоздь в крышку гроба нашей свободы, заявив, что отныне браки могут заключаться только между представителями своего класса. Какое счастье, что я уже женат...

Моя милая Эм.

Мы вместе смотрели выступление Регента, вместе вскрикнули, услышав новость, она — с отчаяньем, а я — со злобой. Потом взялись за руки и долго-долго смотрели друг другу в глаза.

— Эйрик... — тихонько позвала Эм, прижимаясь ко мне и требуя объятий, вымаливая то, что и так принадлежит ей по праву.

По праву выбора.

И никакое постановление не в силах этого изменить.

— Да?..

— Это конец?

Мне хотелось соврать.

Хотелось успокоить её и сказать, что всё наладится и мир вновь станет прежним. Мол, нужно только подождать. Но я не смог.

Видит бог, я никогда не умел лгать, тем более *ей*. И потому я ответил:

— Нет, Эм, боюсь, это только начало...

Я оказался бесконечно прав.

Глава 3. Снова в бегах

Этого просто не может быть!

Не верю своим ушам, ведь Магнус был ещё молод и ничем не болел! Фолк, должно быть, меня разыгрывает... Вот сейчас он в своей привычной манере посмеётся и скажет, что пошутил. Да, это наверняка одна из его дурацких шуточек. Только Фолк молчит и на меня не смотрит. И совсем не смеётся. И я понимаю, что это правда. Горькая. Мучительная. Едкая.

— Но как...

— Его нашли недалеко от входа на внешней стороне, — бесцветно произносит Фолк.

Он всегда недолюбливал Магнуса, но даже ему, похоже, жаль его. Как и мне. Пусть у нас с ним и были разногласия, но он был настоящим лидером и отцом не только для своего сына, но и для всех остальных. Дин. О, эйдос... Каково пришлось ему?

— У Магнуса случился удар?

Я слышала о таком. Человеку вдруг становится плохо, и он покидает мир живых в считанные минуты.

— Ему пробили голову камнем.

Слова Фолка не укладываются в голове.

Убийство?

— Кто же мог такое сотворить?!

— Неизвестно.

Пытаюсь переварить услышанное. Магнус мёртв. Убит...

— А как... как воспринял эту новость Дин?

— А ты как думаешь? — Фолк отводит глаза. — Он подавлен и разбит. А Илва этим пользуется.

Илва. Как я могла о ней забыть? Боевая подруга Магнуса. Кто-кто, а она, я уверена, не сломалась и не пролила ни слезинки. Женщина-воин. Такие не плачут. Напротив, все несчастья и беды таких закаляют и делают сильнее. Не удивлюсь, если Илва взяла бразды правления в свои крепкие руки. А если так, то она их так просто не выпустит.

— Рассказывай.

— Как ты знаешь, Илва всегда любила командовать, — я согласно киваю, — но Магнус умел сдерживать её порывы. — С этим я тоже соглашаюсь. — Теперь же она всецело управляет Дином. То есть фактически все решения принимает он, но нашёптывает их Илва.

— Дин не такой простак! — возражаю я.

— Не такой. Но после смерти Магнуса, единственное, что его интересует, — это месть.

— Месь? — хмурюсь я. — Но кому?

— С подачи Илвы Дин считает, что это люди Регентства выследили и убили Магнуса.

— Но это какая-то бессмыслица... Если бы так случилось, остров был бы уже уничтожен.

— Нет, если Магнус не открыл тайну острова. Так считают

Илва и Дин.

— А сам ты что думаешь?

Фолк долго смотрит в пол. Потом поднимает взгляд на меня.

— Думаю, его убил кто-то из своих.

— Да ты с ума сошёл!

Даже не замечаю, как вскакиваю со своего места. Усталость берёт своё, и окружающий мир вдруг начинает вращаться. Хватаюсь за столешницу, чтобы не упасть, и снова сажусь на место.

— Может, и так. Но это уже не важно. Его нет и надо жить дальше. Главное, нам удалось тебя вытащить.

Нам. Слово режет слух.

— Скажи... а кто ещё, кроме тебя и Шпасна, участвовал в моём спасении?..

— Тьер.

— Тьер?.. А он-то каким боком?

Честно сказать, Тьер Паси — последний о ком бы я подумала. Возлюбленный Анисы никогда не отличался смелостью. Выходец из особенных, ему всегда приходилось потом и кровью доказывать свою принадлежность острову, может, в этом всё дело? А работать он не шибко любил и вечно жаловался на свою аллергию. Но Аниса души в нём не чаяла, оно и понятно.

— Он нашёл для нас это жилище... Я понимал, что тебе нужно будет где-то перевести дух... И обратился к тому, кто

знает город и всю кухню особенных изнутри. Он-то мне и посоветовал воспользоваться пустующим домом особенно-го и помог такой найти... Он обзвонил несколько фирм, чьи владельцы имеют в этом районе дома, и поговорил с секретаршей каждого из них. Наплёл какую-то околесицу про взаимовыгодное сотрудничество и ловко выведал, когда и кого из них не будет в городе. Шпанс смог перенастроить электроключ с отпечатка на обычный пароль... Это всё-таки не Музей.

— А Дин?

— А что Дин? — ошетинивается Фолк. — Я его в свои планы не посвящал...

— Неужели он был бы против моего спасения?

— Дин, может, и нет, а Вот Илва — точно. Она знает, что ты имеешь на него влияние.

Я ёжусь. Похоже, террариум на острове никуда не делся, а только разросся.

— Интересно, хоть кто-нибудь будет рад моему возвращению?

— Зря ты так. Конечно, будут. Аниса. Шпанс... — перечисляет Фолк. — Да тот же Тьер сразу согласился помочь, стоило только упомянуть про тебя. Ну и... *твой Дин*, уверен, будет просто счастлив. А ещё ты не видела, как сильно переживал Крэм, когда ты пропала... Да он был убит горем!

При упоминании маленького друга на душе теплеет. Только ради него одного стоит вернуться.

— Но главное совсем не это. Илва и Дин готовятся нанести удар по Олимпу. Они собираются воплотить план Магнуса в жизнь. И единственный, кто может повлиять на Дина — *ты*.

Ну вот всё и встаёт на свои места. Теперь я знаю, почему была спасена. В этой жизни никто ничего не делает просто так. Пора бы привыкнуть.

— А с чего ты взял, что мне есть до этого дело? — произношу с издёвкой.

Фолк смотрит непонимающе, и я мысленно праздную победу — мне нравится видеть его растерянным, хотя это и такая мелочь, но до чего ж приятно!

— Ты ж первая кричала на каждом углу, что мы не должны уподобляться им...

— Вот промашка вышла, да? Что делать будешь? Сдашь меня обратно в Кульпу? — я улыбаюсь, но в моей улыбке ни тени смеха. — Выходит, зря ты меня спасал... Не повезло.

Теперь брови Фолка привычно хмурятся, а глаза темнеют, словно небо неожиданно затянуло тучами.

— Что за бред ты несёшь?..

— Ну а разве не для этого ты меня вытащил? Хочешь, чтобы я поговорила с Дином, только я не собираюсь, ясно?!

— Значит, теперь тебе всё равно?..

— Вот только не надо меня стыдить! — закипаю от злости. — Ты не понимаешь...

— Ну, конечно. Куда мне...

— Кульпа меняет человека до неузнаваемости, переламывает его, будто травинку. Ты ничего не знаешь! Тебя не пытали, не допрашивали, не клеймили, не топили в бочке с водой. И по твоей вине никто не умирал... — срывающимся голосом произношу я. — Никто не умирал...

Фолк тянется ко мне через стол и утирает непрошеные слёзы. Надо же, я даже не поняла, что плачу.

— У каждого имеются свои скелеты, Карамелька... — наконец выдаёт он. — И у каждого свой размер шкафа, где они хранятся. — Фолк поднимает взгляд, в котором я замечаю каплю боли. Впрочем, она сразу же растворяется в пасмурном небе его глаз. — Поверь, мой настолько огромен, что в нём можно заблудиться...

От его слов мне становится не по себе.

— О чём это ты?

— Давай-ка лучше спать...

Фолк поднимается со стула и быстро выходит из кухни. Вкус моей мнимой победы начинает горчить, словно я глотнула настойки полыни.

Я тоже поднимаюсь и бреду за Фолком. Он настоял, чтобы мы спали в одной комнате, и безропотно уступил кровать, а сам устроился на маленьком диванчике. Переодеваюсь в мешковатую футболку, которая больше походит на платье, и ложусь в постель. Глаза слипаются, так что стоит опустить голову на подушку, я тут же засыпаю.

Всё, что происходило со мной дальше, помню как в тумане. Единственное, чего мне хотелось — это спать. Желательно вечно. Силы оставили меня, будто отвечающая за руки и ноги пружина сломалась, превратив тело в безжизненный манекен. Было нестерпимо жарко и одновременно холодно. Смутно помню, как Фолк кормил меня с ложечки, поил какими-то таблетками, протирал лицо холодным мокрым полотенцем, даже помогал добраться до туалета. Но всё это словно во сне, словно не со мной, словно я наблюдала за нами со стороны.

Но теперь всё иначе. Постепенно сознание возвращается, хотя я так и не могу себя заставить проснуться до конца, но уже воспринимаю окружающий мир и реальность.

— Эй, соня, вставай...

Сквозь приятную дрему настойчиво пробивается чей-то голос. С трудом разлепляю веки и с усилием моргаю. Ощущение, что в глаза насыпали горы песка. Повернув голову, замечаю Фолка, присевшего на край моей кровати.

— Сколько я проспала?

— Несколько дней...

— Несколько дней?! Но как же...

Я оглядываюсь по сторонам. Спальню освещает лишь одинокий торшер, верным стражем застывший слева от меня.

— Да это на самом деле не удивительно. Я до сих пор не понимаю, как ты выдержала дорогу сюда. Наверное, адреналин помог... Но стоило тебе почувствовать себя в относи-

тельной безопасности, организм просто отрубился... У тебя был жар. Я раздобыл в аптечке лекарства. Решил, что антибиотики не будут лишними. В общем, не зря мы остановились тут. Хотя сегодня придётся уйти. Я выбирался вчера на разведку. Сейчас более-менее тихо. Наверное, они решили, что мы уже убрались из города. Но патрули, конечно, никуда не делись, но их хотя бы стало меньше.

При мысли, что Фолк выходил на улицу, меня пробивает дрожь. Ненавижу себя за слабость, но не могу не спросить:

— А мы не можем задержаться здесь ещё?

— Боюсь, что нет. Так что поднимайся! Пока поедим, как раз наступит ночь.

С трудом подавив зевоту, выбираюсь из нагретой кровати. Вот бы понежиться ещё немного...

— Отвернись... — прошу я. — Мне нужно одеться.

— Не волнуйся, твоей чести ничто не угрожает! — обещает Фолк. — Пойду, проверю завтрак. Или ужин.

Как только он исчезает за дверью, я молнией сбрасываю с себя импровизированную «ночнушку» и отправляюсь в душ, где провожу намного больше времени, чем требуется — что поделать, если душ превратился для меня в неслыханную роскошь?

Спустя полчаса надеваю брюки с футболкой и вхожу на кухню. Фолк уже накрыл на стол и дожидается меня.

— Садись... — он кивает на рядом стоящий стул, но я обхожу стол и сажусь с другой стороны. — Что, теперь и я

твой враг?

Фолк глядит с прищуром. Оценивает.

— Нет. Совсем нет... Просто мне нужно время, чтобы всё обдумать и взвесить.

— Твоё право...

Молча мы доедаем суп и сыр. Я смотрю в тарелку, в которой размазаны остатки овощного супа, и не могу понять, что же со мной творится. Я вроде как выяснила, что Дин не виноват в моих бедах, но тяжесть на душе так и осталась — давит, точно тонны невидимого груза.

Фолк уже расправился со своей порцией и выжидательно смотрит на меня, но я медлю и никак не закончу трапезу, потому что до дрожи боюсь выходить на улицу, вот и тяну время.

Конечно, он это понимает, но ничего не говорит. Ждёт терпеливо, давая возможность собраться с духом. Когда я всё-таки отодвигаю тарелку, Фолк убирает со стола, как заправский хозяин, и расставляет чистую посуду по своим местам, потом оглядывает кухню критическим взглядом и остаётся доволен результатами своих трудов. Знал бы он, что под ванной на втором этаже остались лежать мои лохмотья...

В спальне Фолк тоже мало-мальски наводит порядок, чтобы не сразу бросалось в глаза, что здесь побывали гости: поправляет подушки на диване, чуть сдвигает журнальный столик, как он стоял в самом начале, и сметает крошки на пол.

— Сойдёт... Придётся тебе надеть мою куртку.

— Зачем?.. На улице тепло...

— Не хочу, чтобы кто-то увидел *это*. — Он берёт меня за руку и переворачивает запястьем вверх. — Незачем нам привлекать к тебе лишнее внимание.

Уродливый шрам, доставшийся в память о Кульпе. Я и забыла о нём. Выдёргиваю руку и натягиваю куртку Фолка на себя. Опять чужое тепло. Чужой аромат. Чужая жизнь.

Словно меня совсем нет, словно я призрак.

Покидать жилище страшно до жути. Здесь я чувствовала себя в относительной безопасности, хотя и осознавала, что фантомы могут ворваться к нам в любую секунду. И всё-таки крыша над головой, кровать и горячая еда способны любому подарить мнимый покой. Теперь же нам предстоит столкнуться с действительностью лицом к лицу. Никаких заборов и крепких стен со ставнями.

Едва удерживаюсь оттого, чтобы не умолять Фолка остаться здесь ещё. Хотя бы на день. На одной чаше весов — безопасный день, а на другой — мои жалкие причитания. К тому же что изменится завтра? Страх не растворится, не исчезнет, не улетучится... Поэтому я молча следую за Фолком, стиснув зубы.

Дверь бесшумно отворяется, и мы выходим на крыльцо. Сегодня луна словно приколота к небу россыпью звёзд и ни одного облачка.

— Нас будет видно за версту! — шепчу я.

— Знаю, но другого выхода нет. Здесь мы оставаться всё равно не можем — завтра возвращается хозяин.

Слова Фолка медленно оседают в моей голове, а затем стекают в желудок. Чувствую привкус желчи во рту. В этом мире мне нигде нет места. В городе я преступница, а на Либерти просто никто. Как же мне хочется испариться отовсюду, быть нигде и везде одновременно, хочется подняться в небо, словно у меня за спиной всё-таки есть ещё крылья, словно их ещё никто не сломал... И улететь туда, где нет Регентства, нет Кульпы и фантомов, но зато есть мир такой, каким он был когда-то в старинных книжках и моих мечтах.

Вместо этого я жмусь к забору и молю эйдоса, чтобы нас никто не нашёл... Раз. Два. Три. Фолк открывает калитку, и мы выскальзываем на улицу.

Наши шаги гулко стучат эхом по мостовой. И мне всё кажется, что позади идёт кто-то ещё, преследуя нас по пятам.

— Не оглядывайся! — шипит Фолк. — Привлекаешь внимание.

Мы идём и идём вперёд, торопясь покинуть Олимп. Обходим центральные улицы и то и дело ныряем в тень, заслышав посторонние звуки — будь то шелест листвы или скрип одинокого фонаря, раскачивающегося на ветру. Хорошо хоть, что на улицах пустынно и почти никого нет.

Мимо проплывают жилища особенных. Одно удивительно похоже на огромный гамбургер, каждый внутренний слой которого — это этаж. Другое построено в форме земляни-

ки и даже выкрашено в красный свет, а в качестве крапинок — маленькие фонарики. Третье подозрительно смахивает на мыльный пузырь — полностью прозрачные стены демонстрируют богатство и роскошь... И каждый — освещается, будто вместо прожекторов и фонарей светят маленькие солнца. И мы — как на ладони.

— А разве Нора не в другой стороне? — спохватываюсь я.

— Мы не пойдём к Норе, она давным-давно раскрыта — рядом всё время дежурят фантомы или Полиция... Регентство не сидело без дела, и после нашей вылазки в Музей сканеры поставили чуть ли не на каждом шагу. Даже у Арки и при входе на площадь Мира.

— Как же мы выберемся из города?

— Наведаемся в Бухту Темноты.

Из дневника Эйрика Халле. Эпоха Внешности

В последнее время я много думал о том, почему наш мир неумолимо катится в пропасть. Попробовал проследить цепь событий, приведших к тому, что мы имеем сейчас.

Итак...

После Кровавой Войны мы вступили в новую битву. Битву за продовольствие. Победив одного врага, мы обрели нового, имя которому было *Голод*.

Еды не хватало, так что Регентство — временное правительство во главе с Регентом, решилось на кардинальные изменения.

Был принят Декрет о распределении продовольственных пайков среди населения. Согласно декрету, продовольственные запасы распределялись между жителями в зависимости от их массы тела. В первую очередь ставки сделали на более упитанных, посчитав, что у таких шансов выжить куда больше.

Так началась новая эпоха — *эпоха Внешности*.

Уставшие от войны люди приняли перемены как должное. Слишком уж они выдохлись, слишком вымотались войной. Им хотелось одного — покоя и мирной жизни, само собой разумеется. Так мне хочется думать.

К тому же Регент клятвенно заверил, что решение временное. Что ж... зато теперь с уверенностью можно сказать, что нет ничего более постоянного, чем временное.

Мир начал меняться. Постепенно. Неспешно.

Изменения никогда не происходят сразу, одним махом. Более того, обычно их внедряют незаметно, мелкими шажками.

Сначала — скромный декрет, потом несколько поправок к нему, затем — указ, а на выходе — незыблемый Закон Внешности удавкой обвивается вокруг твоей шеи.

Но к любой тьме со временем привыкаешь. И к любой власти — тоже. Всегда найдутся те, кто будут бродить в темноте в поисках света... И самый большой труд — сохранить пламя, не дать ему потухнуть, потому что в мире, где спички под запретом, а горячее спрятано на складах избранных, разжечь огонь заново — практически невозможно.

Глава 4. Бухта Темноты

Прилично попетляв по переулкам и следуя указателям в виде... хм... мужского достоинства, мы выходим к воде с той стороны, которую с Арки обычно не видно, потому что канал резко делает поворот, а из-за густых деревьев кажется, что дальше только парк.

— Ты бывала здесь?

Фолк смотрит на меня с интересом, и под его взглядом я отчаянно краснею. Хорошо, что в темноте он никак этого не увидит.

Бывала ли я в Бухте? Каждый человек, достигший шестнадцати лет, имеет право на её посещение. Мне уже девятнадцать. И, побывав здесь однажды, я намеренно обходила это место стороной, будто оно рассадник неведомой заразы. Всему виной та самая фотография в Питомнике.

И надпись на обороте.

От нашей *семьи* долгую-долгую память.

Семья.

Запрещённое слово. Запрещённое понятие. Запрещённая ценность.

Я снова переношусь в гараж Питомника, снова кручу в руках старое фото. Снимок пожелтел и выцвел, совсем как прошлое, которое сгребли в кучу и снесли в Хранилище N.

Мужчина, женщина и двое детей. Искренние улыбки. Гла-

за, искрящиеся счастьем.

Остались ли они в чьей-то памяти, кроме моей? Для меня в этом снимке настоящая история. История их жизни. Их любви. Их счастья. Именно поэтому я так прониклась к Тьеру и Анисе... Подспудно мне всегда хотелось иметь нечто большее, чем просто безликие встречи с неизвестным партнёром.

Фолк продолжает буравить меня взглядом. Что ответить? Признаться, что бывала здесь однажды? Соврать? Таракан в пыльном углу моей души зашевелил усами и как будто даже довольно заурчал — никак не удаётся его вытравить.

В конце концов, решаю ничего не говорить и простожимаю плечами — пусть расценивает как хочет.

— Я так и думал.

Расценил.

А чего я, собственно, ожидала? Это же Фолк!

— Вообще-то, это не твоё дело!

— Ладно. — Он примирительно поднимает руки, будто сдаваясь. — Держись рядом.

Об этом мог бы и не просить — я от него ни на шаг.

Бывший круизный лайнер встречает нас яркими огнями. Вот тебе и Бухта Темноты. Белая махина в пять этажей застыла на волнах на середине канала. В открытое море это судно никогда уже не выйдет — оно навечно пришвартовано в Бухте. Поговаривают, что его система управления дав-

ным-давно, ещё в Войну, вышла из строя.

Сбоку на корпусе — смоляными буквами выведено название, доставшееся от прежних времён. *Оазис*.

Этим местом Регентство не особо гордится, но и уничтожить его не может. Что станет с телом, если ампутировать ногу? Так и тут — людям нужна отдушина. И здесь они забывают о своих невзгодах, и не так уж важно, что проблемы у всех разные, как день и ночь. На самом деле именно в Бухте Темноты люди могут чувствовать себя мало-мальски свободными, ибо тут стираются многие границы. Остаётся лишь вопрос цены.

У пристани на привязи лодки и катера — ждут своего часа, чтобы отправить очередного любителя удовольствий в святая святых. При мысли о том, что обычно происходит за закрытыми дверями кают, меня бросает в жар.

— Как только попадём на лайнер, я прошу тебя молчать. Хозяйка Бухты — Мадам Нюк, — деловито сообщает Фолк. — Женщина она своеобразная... Итак, план действий следующий. Как ты наверняка знаешь, у каждого класса свой этаж. На самом верхнем развлекаются особенные, на этаж ниже — стандартные, а ещё ниже — дефектные. Нам нужно попасть в служебные помещения, они между машинным отделением и этажом для дефектных. Подождём, пока пристань опустеет... — шепчет Фолк. — А то ещё кто-нибудь нас приметит.

— Ладно...

Когда всех желающих уже свезли на лайнер, а новая партия ещё не собралась, мы, покинув укрытие, подходим к краю канала. Волны набегают на берег и облизывают разбросанные по песку камни. Это то место, где маниакально следят за чистотой. На противоположной стороне канала, на Бугре, причал совсем убогий — прогнивший настил и старые лодки. Никаких тебе лавочек для ожидания, ограждений и фонарей... На Олимпе всё иначе — с откровенным пафосом и небывалым размахом, хотя и здесь не обошлось без разделения: катерами пользуются только особенные, а старые деревянные лодки — удел стандартных и дефектных.

Фолк направляется к пирсу, и я топаю за ним. Стоит нам подойти, как навстречу выходит какой-то бугай. По виду стандартный, но очень уж огромный. Шагает он так, будто сваи заколачивает. Я от греха подальше прячусь за спину Фолка.

— Чего изволите? — чуть делано расшаркиваясь, спрашивает Бугай. Только вежливость его напускная и ломанного эйда не стоит.

— Попасть туда! — Фолк указывает на лайнер.

— Со *своим* нельзя! — ржёт Бугай, осматривая меня с головы до ног. — Правила есть правила.

— Мадам Нюк в курсе, что нас будет двое! — возражает Фолк, направляясь к ближайшей лодке.

Только сейчас понимаю, что под «своим» Бугай имеет в

виду меня. От подобной формулировки уши начинают гореть.

— Мне указаний не поступало!

— Это твои проблемы. Свяжись да узнай! — Фолк ловко спускается на дно лодки, отчего старое дерево начинает скрипеть. — Руку давай...

Я протягиваю руку и уже через секунду оказываюсь рядом с ним. Бугай снимает с пояса рацию и что-то в неё бормочет, а потом, театрально вздохнув, присоединяется к нам и берётся за вёсла. Вода в канале совершенно неподвижна, и вёсла разрезают её словно нож масло. Вблизи лайнер кажется ещё больше, он будто нависает над водой, и создаётся впечатление, что это не мы к нему плывём, а он наплывает на нас — ещё немного и раздавит.

Бугай хоть и не нравится мне, но с вёслами управляется как надо, и спустя несколько минут мы уже причаливаем к плавучей платформе. Её специально добавили, когда лайнер стали использовать для утоления своих плотских утех.

Лодка с глухим стуком коснулась платформы, и Бугай, отпустив вёсла, пожелал нам хорошенько повеселиться, намекая на эйдос его знает что.

Прямо в обшивку корабля врезано несколько металлических дверей, и каждая ведёт на свой этаж. На другой стороне есть точно такие же.

— Пройдём через этаж дефектных, — Фолк тянет меня к крайней двери справа, — будем надеяться, что ты сойдёшь

за одну из них...

— Сейчас я вряд ли тяну даже на испорченную... Кожа да кости. Ой, а сканеры там не поставили?.. Бухта ведь единственное место в городе, где эйды списывали анонимно, без подтверждения статуса? По крайней мере, так обещала реклама... — добавляю, краснея.

— Мадам Нюк активно выступает за то, чтобы всё так и оставалось. Она отваливает чиновникам на лапу кучу денег, потому что само по себе наличие сканеров ставит под удар всё её дело — любой клиент хочет сохранить свои пристрастия втайне. Но это как сражаться с ветряными мельницами... однажды у тебя просто не останется сил и средств, а мельнице хоть бы хны.

За дверью нас ждёт очередной лифт. После прошлогодней вылазки в Музей я их на дух не переношу... На панели всего несколько кнопок с номерами этажей и ещё одна — удержание дверей.

Фолк жмёт на нужную, и кабина начинает ползти вверх.

Свет здесь тусклый и с оттенком красного, а воздух какой-то густой и глотается с трудом... Делаю вдох. Затем выдох.

— Эй, ты меня слышишь?

— Да... — выдавливаю, вытирая пот со лба. Одна радость — с новой стрижкой волосы больше не прилипают к лицу.

— Ты в порядке?

И снова я не знаю, что ответить. В последнее время это

походит на игру: Фолк задаёт неудобные вопросы, а я силюсь придумать подходящий ответ. Игра выходит в одни ворота.

— Вполне...

Спустя секунду двери разъезжаются в стороны, и я окунаюсь в мир похоти и разврата. Вместительный зал с танцплощадкой по центру и десятками столиков по бокам, встречает нас громкой музыкой — даже уши закладывает, а от запаха пота, сигаретного дыма и перегара вперемешку с духами становится нечем дышать. Разноцветные лучи, будто живые, скользят по стенам в такт музыке и выхватывают довольные лица танцующих в пьяном угаре.

Сквозь толпу мы протискиваемся вперёд, лавируя между столиками, за которыми только и делают, что целуются. Да так откровенно и вызывающе, что мне хочется отвернуться.

За ближайшим столом сотрудница Бухты пристроилась на коленях у клиента и двигает ягодицами, другая зашла ещё дальше, запустив руку прямо в штаны мужчине, в экстазе закатившему глаза.

Столь откровенное распутство вызывает отвращение, но вместе с тем кровь по венам ускоряет свой бег, и на миг я представляю на месте этой самой девицы себя, извивающейся на коленях Дина. Сглатываю и усилием воли прогоняю пошлый образ.

За другим столиком парень ублажает женщину, одетую в костюм доставщика, припав к её сочной груди. Наверное, она очень спешила получить свою порцию удовольствия и

рванула сюда сразу же после работы.

— Эй, доходяжка! — доносится откуда-то слева. — Как насчёт пойти со мной в каюту?

Я поворачиваюсь на голос и вижу компанию из нескольких дефектных. Все как один ржут, демонстрируя жёлтые зубы. Кто из них ко мне обратился, понять невозможно — все они смотрят на меня с вожделением, и от таких взглядов мурашки по телу.

— Не лезь! — предупреждает Фолк, беря меня за руку. — А ты держись ближе ко мне.

Наконец мы покидаем зал и оказываемся на распутье, откуда расходятся в разные стороны несколько коридоров. Ныряем в тот, что слева, и попадаем в узкий проход со множеством дверей. Здесь пусто и можно немного выдохнуть.

— Что мы здесь делаем?..

— А ты как думаешь?

— Ищем тебе подружку? — не выдерживаю я.

— Очень смешно. Я рад, что ты возвращаешься к жизни.

Впервые с того момента, как мы встретились в Кульпе, мне чудятся в его словах отголоски привычного сарказма. Будто повеяло прежним Фолком. Незаметно щипаю себя за запястье, чтобы напомнить: прежней жизни больше нет и возвращаться мне на самом деле некуда.

— Ладно, а теперь что?

— Нам нужно добраться до служебного выхода и спуститься на этаж мадам Нюк. Давай сюда...

Мы ныряем в один из коридоров, где располагаются каюты для уединения — хочешь получить удовольствие — заплати и добро пожаловать! В одной из таких я однажды и побывала...

Людей в коридоре немного, и мы довольно быстро пробираемся вперёд. В самом конце уже маячит дверь с надписью «служебный вход», которая неожиданно распахивается. В проёме появляются двое мужчин в чёрных отутюженных костюмах... По тому, как внимательно они смотрят по сторонам, вглядываясь в лица посетителей, становится ясно, что пришли они отнюдь не развлекаться.

— Чёрт... — похоже, Фолк тоже их заметил. — Эти двое точно по нашу душу...

От мысли, что меня снова упекут в Кульпу, паника зарождается в самом низу живота и, как лава вулкана, поднимается к горлу, готовая вырваться криком протеста. Я пячусь, совсем забыв, что наши с Фолком руки все ещё сплетены.

— Эй, не вздумай... — шепчет он, сжимая ладонь так сильно, что мне становится больно.

Я уже собираюсь развернуться и бежать прочь, но Фолк удерживает меня на месте, а затем толкает к двери ближайшей каюты.

— Что... Что ты делаешь? — шиплю я, ведь ещё немного и незнакомцы поравняются с нами, тогда бежать будет точно некуда.

— Доверься мне...

Довериться?.. Но с некоторых пор доверие для меня — непозволительная роскошь.

Незнакомцы уже почти совсем рядом — ещё чуть-чуть — и они обязательно обратят на нас внимание. Нет, я ни за что не вернусь в тюрьму!

Высвобождаюсь из железной хватки Фолка и готовлюсь дать дёру, когда он вдруг опускает руки на мои плечи и прижимается ко мне, укрывая от чужих глаз. А потом... потом наклоняется совсем близко и шепчет:

— Подыграй мне...

Только когда его губы касаются моих, до меня, наконец, доходит, *что именно* он задумал. От неожиданности охаю и пытаюсь вывернуться, но не тут-то было.

— Ну, давай же... — левая ладонь Фолка перемещается на мой затылок, притягивая к себе.

До меня долетают обрывки разговоров: эти двое уже совсем рядом. Пискнув от испуга, я теснее прижимаюсь к Фолку и цепляюсь за края его рубашки, а потом всё-таки позволяю себя поцеловать. И будто проваливаюсь в зыбучие пески...

Кажется, наши преследователи давно скрылись из виду, но я почему-то упрямо продолжаю цепляться за Фолка.

— Н-нет... — словно очнувшись ото сна, наконец, пытаюсь вывернуться.

В то же мгновение оказываюсь свободна — Фолк отступает на шаг и поворачивается ко мне спиной.

— Пронесло... — бормочет он и шагает туда, откуда ещё совсем недавно появились незнакомцы. Я спешу следом, радуясь его молчанию, точно произошедшее сейчас между нами — игра воображения. Только губы до сих пор покалывает и душа пребывает в смятении.

Помимо воли в памяти всплывает совсем иной поцелуй...
Дин. Губы Дина другие — нежные и мягкие, словно дуновение лёгкого весеннего ветерка в жаркий полуденный зной. Поцелуй Фолка жалит огнём, будто ненавистное мне клеймо.

Лестница за дверью совершенно пуста. Мы спускаемся на два пролёта и попадаем в коридор со множеством дверей. И на каждой — табличка.

— Нам сюда... — Фолк останавливается возле двери с табличкой «директор». — Ничего не говори. Я сам...

Коротко постучав, он толкает дверь, не дождавшись ответа. Кабинет директора... чудовищен. Ядовито-розовые стены, обшитый кружевными рюшами диван и хозяйка в шёлковом розовом халатике в придачу.

Мадам Нюк оказывается женщиной средних лет с идеально уложенными светлыми волосами до плеч, завитыми снизу. Черты лица хоть и увядающие, но вполне приятные — тонкий нос и крупный рот с пухлыми губами, которые делают её моложе. Впечатление портят глаза... Точнее — правый — он немного косит, отчего мадам Нюк выглядит устрашающе и даже свирепо.

— Ты не говорил, что из-за тебя ко мне пожалует провер-

ка! — она выходит из-за стола, и я с удивлением обнаруживаю, что обута директор в пушистые тапочки с кошачьими мордочками.

Несмотря на столь игривый образ, мадам Нюк явно никому не даёт спуска.

— Прости. Сам не думал, что они к тебе явятся.

— Не думал он... — ворчит та в ответ. — Я не для того столько вкалывала, чтобы вот так всё потерять. Ты ведь знаешь, что в нашем мире пробиться наверх не так-то просто. Ну ладно. Оставим лирику. Чего тебе нужно?

— Ну не кипятись... Лучше дай нам какую-нибудь каюту подальше от посторонних глаз. Завтра, как только стемнеет, мы двинемся дальше.

— Каюту... Подальше от посторонних глаз... Дай подушать. — она потирает указательными пальцами виски. — Наверное, лучше поселить вас в моей второй спальне... Я иногда принимаю там особых гостей, которым ни к чему афишировать свои пристрастия. Обстановка простая, но пересидеть — самое то. Пойдём, провожу.

Стараюсь не думать о тех самых гостях и их пристрастиях, пока мы шагаем дальше по коридору за мадам Нюк. Та виляет бёдрами так, точно проходит полосу препятствий.

— Кстати, где ты её раскопал? — обернувшись, она смотрит на меня. — Если есть желание, могу предложить ей работу. За неё будут хорошо платить — смазливая мордашка, печальные глаза...

— Ёпта, даже не думай!

— Так это из-за неё сыр-бор? Её разыскивают?

— Простите, но я тоже здесь присутствую... И даже то, что вы нам помогаете, не даёт права говорить обо мне так, будто я какая-то вещь...

— Ну... Я бы сказала, что ты очень *ценная* вещь. — По-правляет меня Мадам. — Ну вот мы и пришли... Дальше сами справитесь? — она отворяет дверь, воспользовавшись ключом в форме сердечка. — Ужин принести? Я распоряджусь...

— Ты голодна? — Фолк смотрит на меня вопросительно.

Стыдно признаться, но я ужасно хочу есть. Снова. Прошло всего пару часов с нашей последней трапезы, а ощущение, что пара дней. Наверное, последствия недоедания в Кульпе. У меня и сейчас в кармане припрятан кусок хлеба. Покраснев, согласно киваю.

— Я сам наведуясь на кухню, — заметив моё смущение, отвечает Фолк. — Спасибо тебе... Дальше мы сами...

— Хорошо. Желаю приятно провести время, — заговорщически подмигнув, мадам Нюк наконец-то покидает нас.

Комната, или точнее — каюта, куда нас поселила мадам Нюк, совсем крошечная, так что массивная кровать выступает таким гротеском, а над ней, устрашающим символом, торчат железные крюки. Даже думать не хочу, для чего они тут.

И ни диванчика тебе, ни кресла.

«Сюда приходят не в кресле посидеть», — напоминаю себе.

— Значит, ты здесь частый гость, раз даже знаешь, где находится кухня? — стараюсь не думать о том, насколько часто Фолк пользовался прямыми услугами Бухты.

— Бухта сейчас — единственный способ перебраться через канал без приключений. Я ж говорил, Нору раскрыли.

— А на той стороне что будет?

— В обычные дни там попроще. В первую очередь стерегут Олимп, хотя после твоего побега и на Бугре, и в Яме наверняка полно Полиции, если уж они и до Бухты добрались... Но не переживай... Переплывём на ту сторону, а там главное дотянуть до новой Норы.

— Ладно... А теперь расскажи мне, откуда ты так хорошо знаешь мадам Нюк?

Выглянув ещё раз за дверь и убедившись, что там тихо, Фолк оборачивается ко мне. Раздумывает секунду, а потом всё-таки отвечает:

— Она была подругой моей матери. И... скажем так, осталась ей должна, а я этим без зазрения совести пользуюсь.

— Твоей матери?.. — переспрашиваю удивлённо. — А разве она не из Диких земель?

О матери Фолка мне известно немного, всего пара фактов: Магнус, повстречав её в Диких землях с ребёнком на руках, принял их обоих в ряды свободных, а спустя несколько лет

она умерла. Кажется, болезнь лёгких.

— Нет... Но это совсем другая история. Длинная и скучная...

«Расспрашивать бесполезно... — понимаю я. — Фолк тщательно охраняет границы своей души и никого в неё не пускает...»

— А мой побег прошлым летом? Ты ведь настаивал, чтобы мы пробирались через Бухту, но Бублик настоял на Арке... — припоминаю я. — Магнус был против.

— Магнус никогда не хотел никому быть должным. А мадам Нюк на дух не переносил. Я расстелю постель, а ты пока поройся в шкафу, найди себе что-нибудь для сна.

Смена темы. Фолк как Хранилище N — без ключа и соваться не стоит — расшибёшься в кровь, но ничего не узнаешь.

Подхожу к шкафу и распахиваю дверцу. И на меня обрушивается град каких-то предметов, причём один летит прямо в руки. Кручу шутовину, силясь понять, что это, а когда до меня всё-таки доходит, с визгом отбрасываю её прочь.

— Что там?! — Фолк, стоявший ко мне спиной, бросается на помощь, но увидев меня стоящей среди всех этих штук, начинает улыбаться.

— Решила развлечься?

Щёки опалает огнём.

— Пожалуй, я потом найду что-нибудь из вещей...

Глядя на разбросанные вокруг плётки, наручники и ре-

зиновые хм... приспособления, мечтаю провалиться сквозь землю.

— Да ладно тебе... — Фолк уже вовсю забавляется ситуацией.

— Не смешно.

— Но забавно. Ладно, давай помогу... — наклонившись, он начинает подбирать эти вещи, что ещё хуже.

— Нет, давай я сама! А ты... ты сходи пока за едой...

Фолк удивлённо сводит брови, но откладывает цепи с кожаными ремешками в сторону, встаёт и покорно выходит из каюты. Вот вечно я влипаю в какие-то истории... Вздохнув, сажусь на пол и сгребаю это всё добро в шкаф, решив использовать нижнюю полку, чтобы больше подобного конфуза не повторилось.

Из дневника Эйрика Халле. Разделяй и властвуй

Спустя несколько десятилетий после Войны мир достиг точки невозврата. Когда человека загоняют в рамки, лишают свободы, у него только два пути: один — вперёд, туда, где цифры на весах выводят статус на ладони, и второй — повернуть назад, пролить кровь, но выбраться из этой западни, куда люди добровольно угодили.

И снова народ выбрал меньшее из двух зол, не подозревая или не желая замечать, что зло всегда остаётся злом — как его ни называй и какими высокими целями ни прикрывайся. А если зло не искоренить, оно расползается, точно смертельная зараза, пожирая всё вокруг.

Так случилось и с нами.

А потом заупрямилась и природа, не желая продолжать род человеческий. И её можно было понять: люди натворили таких бед, что не мешало бы их хорошенько проучить. Но тысячи лет эволюции не прошли даром. Человечество научилось не только разрушать, но и созидать.

Так возник Центр Жизни. Символично, что расположился он в бывшем здании родильного дома. Люди пленили саму жизнь, подчинили её себе, научившись выращивать в пробирке. Но правильно ли это? Покажет время. Есть ещё кое-

что. Один из девизов древности, дошедший до наших дней — разделяй и властвуй.

Регентство воспользовалось им в угоду собственной власти. Нас разделили, как каких-то щенков. Эти — с родословной, будут особенными. Эти — немного разочаровали, отправим их в стандартные, а у этих — сплошные дефекты.

Нас поставили на колени, заставили смотреть в пол и молчать. Но там, где молчат одни, слова используют другие. Виртуозно и с размахом.

Глава 5. Признание и стыд

— Послушай, Кара...

Фолк неуверенно мнётся по другую сторону кровати. Мы только-только поели и собираемся ложиться.

— Чего?

Я как раз убираю грязную посуду и составляю её на край стола. Оказывается, столик здесь всё-таки имеется, просто он спрятан в нишу и выдвигается одним нажатием кнопки.

— Мне нужно с тобой поговорить, — и снова этот серьёзный тон. Точно кто-то невидимый покрутил шестерёнки и перенастроил парня, как древнее радио из зала Памяти.

— Слушай, я очень благодарна тебе за помощь, но жутко устала и хочу спать.

И хочу побыть в одиночестве. В этом плане в Кульпе было настоящее раздолье.

— Выслушай меня, — настаивает Фолк. — Ты должна кое-что знать.

— А если я скажу «нет»?

— Тебе всё равно придётся.

— Значит, не отвяжешься... — констатирую я. — Ладно, выкладывай.

— В общем... — он впервые на моей памяти опускает глаза в пол, отчего мне становится не по себе. — Это я во всём виноват.

— О чём ты?.. — шепчу пересохшими губами.

— Это из-за меня тебя признали испорченной! — на одном дыхании выдаёт Фолк.

— То есть как это? — не понимаю я.

— Нам нужно было подобраться к Хранилищу... Мы бродили вокруг Музея, выискивая слабое место в охранной системе. И нашли. Я нашёл. *Тебя*.

Горло словно сдавила невидимая рука. Не хочу, чтобы он продолжал.

— В тот далёкий день я дежурил рядом с Музеем, когда ты появилась. За тобой шли двое, они подначивали тебя тем, что ты получила должность в Хранилище N, ублажив директора. Ты послала их в задницу и отправилась по своим делам, а меня озарило... Я увидел в тебе наш шанс. Дефектная, которая каждый день бывает там, куда нам доступ закрыт. Вернувшись на остров, я рассказал обо всём Магнусу. Он идею одобрил. И Шпанс состряпал план... Всего-то и нужно было подделать цифры...

— То есть... это вы?.. Вы влезли в систему и изменили мои данные?

— Мне жаль...

— Но почему вы просто не попросили меня помочь? — спрашиваю тихо. — Так было бы проще и безопасней, ведь я бывала в Хранилище каждый день... Шпанс мог бы придумать способ...

— Это был не вариант. Магнус не знал, можно ли тебе до-

верить, потому сделал всё, чтобы лишить привычной жизни и сделать одной из нас, приручить и...

— Нет. Не надо. — Умоляюще смотрю на Фолка. Не хочу правды, она отравляет и жалит не меньше предательства. — Я не желаю больше ничего слышать и знать о тебе и твоём проклятом острове!

— Прости, я виноват.

— Но ведь ты знал... Всегда знал, что творится на острове и всё равно... — Фолк молчит. — Ты ничем не лучше их!

— Я никогда не говорил, что я лучше их.

Копаясь в памяти, словно в корзине с грязным бельём, выискивая хоть что-то. Ничего. Он никогда не пускал пыль мне в глаза, что верно, то верно. Наоборот, вечно указывал на недостатки.

— Дин тоже участвовал в этом?

Молчание.

— Вы разрушили мою жизнь. Дважды.

— Да.

— Так просто?

— Но сейчас я пытаюсь всё исправить.

— Только потому, что я понадобилась тебе как оружие против Илвы... — Фолк порывается что-то сказать, но я выставляю руку вперёд, заставляя его замолчать. — Хватит! Я иду в душ, а потом спать...

Сбегаю с поля брани, и на этот раз Фолк ничего не говорит и не пытается меня остановить.

Маленькая душевая не сравнится с огромной ванной на резных бронзовых ножках в жилище особенных. И никаких хитроумных кнопок или режимов. Повернул ручку влево — течёт холодная вода, вправо — горячая. Выставишь по центру — насладишься тёплой. Я выбираю холод. Нужно прийти в себя.

С остервенением намыливаю мочалку, будто она в чём-то провинилась. Не могу не думать о том, что меня не просто гнусно использовали, но и намеренно лишили статуса дефектной.

Вопрос лишь один: в моём случае сто грамм — это много или мало? Сколько я могла протянуть до того, пока не угодила бы в испорченные на самом деле? День? Неделю? Месяц?

Нет, нужно признать, что, как ни крути, но свободные спасли меня от страшной участи испорченных. И всё-таки это никак не оправдывает их поступок, ведь меня запросто могла сцапать Полиция или фантомы.

Но чем холоднее вода из крана, тем трезвее мысли в голове. У меня была стабильность: работа, отсек, прогулки по выходным. Ровная, но ничем не примечательная жизнь... А прошлое лето стало самым счастливым в жизни. Правда, одновременно и самым горьким, но это уже совсем другая история.

Вытираюсь насухо, чуть не забыв пройтись и по волосам — теперь с ними намного меньше мороки.

Обмотавшись полотенцем, выхожу из душа. Я так и не

приготовила себе одежду для сна, так что крепко держу край полотенца у груди.

— Душ свободен! — произношу сурово.

Фолк, скользнув по мне цепким взглядом, быстро скрывается за дверь, и уже через секунду я слышу, как полилась вода.

Отыскав в шкафу среди богатого разнообразия пеньюаров и фривольных костюмчиков шорты и футболку, натягиваю их на себя, то и дело прислушиваясь к шуму воды за дверь.

Ложусь на дальнюю половину кровати, отворачиваюсь к стене и натягиваю на себя одеяло. Честно пытаюсь заснуть. Но вместо этого начинаю рыдать. Безутешно. Отчаянно.

Почему я плачу? Потому что меня обманом лишили привычной жизни, заставив покинуть родной отсек? Или это запоздалая реакция на моё вызволение из Кульпы? Не знаю, но остановиться просто не могу... В глаза будто кислотой плеснули.

Спустя пару минут возвращается Фолк и тоже ложится. Стараюсь плакать беззвучно, чтобы не дай эйдос, его не потревожить. Только он, похоже, всё и так понимает...

— Эй... — спины касается его ладонь. — Знаю, прошлое не исправишь, но я обещаю, что сделаю всё возможное, чтобы в будущем...

Фолк гладит меня по спине, и даже через ткань футболки я ощущаю, какая у него на пальцах загрубевшая кожа. Надо же, мне казалось, что и душа его давно очерствела, но опять

ошиблась.

— Не вини себя, — шмыгаю носом. — Ну на что была бы похожа моя жизнь, останься я в городе?

— На дерьмо собачье? — предполагает он.

— Не иначе... — улыбаюсь в ответ: вот они — проблески старого Фолка.

— А теперь давай спать. Тебе надо отдохнуть хорошенько...

Я согласно киваю, но только вот ладони он не отнимает. И теперь его прикосновения кажутся чересчур горячими и слишком нежными. Сейчас между нами всё *чересчур* *слишком*. Совсем не вовремя вспоминается наш недавний поцелуй...

Мне бы отодвинуться, дать понять, что больше не нуждаюсь в утешении, но я не могу. Потому что именно сейчас чувствую себя снова живой. Вопреки голосу разума хочу продлить это ощущение, усилить его во сто крат.

И я поворачиваюсь к Фолку. Пододвигаюсь ближе. Пальцы сами тянутся к его лицу, глядят по щеке, заросшей колючей щетиной. Темнота придаёт смелости, и я уже тянусь за поцелуем, когда он прикладывает палец к моим губам, останавливая.

— Спи, Карамелька. Нам понадобятся силы.

Словно ледяной водой окатили. Да что там — я будто снова рухнула с обрыва в море! Щёки начинают пылать. Быстро отворачиваюсь и отодвигаюсь так далеко, насколько позво-

ляет кровать, и закутываюсь в одеяло с головы до ног.

Вот бы оказаться за тысячи миль отсюда, но окажись я даже в другой вселенной, вряд ли это помогло бы. Заснуть мне удаётся лишь через несколько часов. Сновидения рваные и мутные, точно я гляжу в запylённое окно, и только укоризненный взгляд Дина предстаёт чётко и ясно.

Утро воровато вползает в комнату, точно знает — здесь ему не рады. Мне безумно стыдно, так что я стараюсь не смотреть на Фолка. Он же ведёт себя, как обычно.

Я не выдерживаю первой:

— Фолк... насчёт того, что произошло ночью...

— Ты насчёт того, что чуть *не произошло* ночью? Не беспокойся. Об этом не узнает ни одна живая душа.

— Я просто хочу объяснить, почему так вышло, — кусаю пересохшие губы.

— Я всё понимаю. Ты столько пережила в последнее время... Именно поэтому я тебя остановил. Но имей в виду — в следующий раз благородства от меня не жди...

От его слов я отчаянно краснею, а внизу живота вспыхивает пожар.

«Следующего раза не будет!» — клятвенно обещаю себе, сбегаю в душ. **Дорогие читатели! Приятного чтения и не забывайте подписываться, это очень важно для меня**

Глава 6. Долгая дорога к Дому

Покидаем Бухту, едва только ночь расплзается по небу тёмным покрывалом. Сегодня нас перевозит на лодке другой паромщик — маленький, щуплый азиат. Я его помню — именно он в далёком прошлом переправлял меня на Лайнер и обратно.

Высадившись на берегу, мы бодро шагаем окольными путями к новой Норе. Фолк рассказал, как чуть не попался, когда однажды возвращался к старому люку — его спасли фонари на территории Библиотеки. Обычно здание освещается так, что можно разглядеть трещинки в стенах, но в тот раз горели всего два фонаря и оба — напротив Норы. Фолк заподозрил неладное и решил выждать. Оказалось, что поблизости уже дежурили несколько сердобольных полицейских. Пришлось выкручиваться.

— Постой, а я знаю, где мы... — сердце проваливается в пустоту. — Это же...

Так и есть.

Смотрю на современное белоснежное здание в пять этажей, за высоким каменным забором. Мы у задних ворот, главное крыльцо — с другой стороны.

Само здание выполнено в виде буквы «Ш». В основании селят самых маленьких, а чуть позже тебя сканируют, присваивают статус и поселяют в один из корпусов. Мы назы-

вали их «шипамии»: левый для дефектных, правый для стандартных, а центральный для особенных. Вот тут-то и началось самое интересное. Кураторы именовали это здоровой конкуренцией, а для нас это была гонка на выживание. Каждый мечтал из дефектных перебраться в стандартные, а те надеялись однажды переступить порог корпуса особенных. В ход шли и обман, и хитрость, и грубая сила.

Однажды меня заперли в туалете и выключили свет. Я лишилась ужина, а заодно приобрела боязнь темноты. Но мне повезло больше, другой девочке сломали челюсть за то, что она не отдала свою котлету... Её отправили в больницу, кормили через трубочку, а вес неумолимо падал... и как только достиг критического уровня, девочка незамедлительно отправилась туда, куда отправляются все испорченные.

— Это дом, в котором ты выросла?

— Не дом... — поправляю я. — Питомник... Ненавижу это место.

— Ничего. Внутрь мы всё равно не пойдём. Нам нужен вон тот гараж... Сквозь резную решётку ворот на нас молчаливо взирает пошарпанное одноэтажное здание. Именно там в далёком прошлом я обнаружила фотографию, письмо и книгу про Гая Монтэга. Теперь все эти сокровища покоятся в земле.

— А что там?

— Сейчас увидишь. — Фолк уже перелезает через ворота.

— Давай за мной...

Перебравшись на ту сторону, мы гуськом двигаемся к гаражу. Внутри всё осталось как прежде: тот же хлам по углам и пыль в воздухе. Фолк подходит к тому самому сундуку и, навалившись, сдвигает его немного в сторону, открывая узкий тёмный проход.

— С ума сойти... — сколько раз здесь бывала, никогда бы не подумала...

— Да, я сам удивился, — шепчет Фолк. — Давай, вниз... Там слева лестница вроде той, что была в шахте лифта, в Музее.

Я лезу в проход, ногой нащупываю ступеньку и начинаю спускаться.

— Порядок.

— Отлично...

Зажав в зубах карманный фонарик, Фолк протискивается вслед за мной, затем берётся за металлическую ручку, прикрученную к днищу сундука, и тянет в сторону, закрывая проход.

— Здорово придумано...

— Да, кто-то на славу постарался... — соглашается Фолк.
— Я нашёл этот проход совершенно случайно, пока таскался по катакомбам в поисках взрывчатки.

— Смотрю, теперь ты не боишься темноты? — шёпот Фолка разбивается о бетонные стены тоннеля.

— Люди меняются... А под гнётом обстоятельств — осо-

бенно. Я больше не боюсь темноты, сточные воды меня не пугают, как и эта вонь... Раньше, увидев насекомое, я начинала визжать в приступе паники, сейчас или сброшу его с себя, или прихлопну. Да, я превратилась в кровожадное чудовище...

— Я этого не говорил...

— Тебе и не нужно, и так всё понятно...

— Слушай... — Фолк останавливается и берёт меня за руку, разворачивая к себе. Луч фонаря теперь направлен в потолок, и я вижу лицо Фолка. В тусклом свете оно выглядит жутко. — Я не считаю тебя чудовищем. Мне просто жаль, что тебе пришлось измениться. Ещё больше мне жаль, что я тоже, так или иначе, приложил к этому руку. Я не толкал тебя с обрыва, но я привёл тебя на остров.

— Почему раньше никто не нашёл Нору в Яме или на Бугре? — перевожу тему, как он сам ещё недавно. — Ведь несколько вариантов всегда лучше, чем один. Тогда бы нам не пришлось в том году спускаться по Арке. Да может мне вообще не пришлось бы покидать Яму.

— Старую Нору ещё сам Эйрик Халле отыскал. Так и повелось. Мы с Бубликом много раз предлагали Магнусу... Ты и сама видела подземные ходы — они проходят под всем городом. Но Магнус любил всё контролировать. Все должны были чётко следовать его указаниям. Только в городе не так всё просто: то на полицию Внешности нарвёшься, то на фантомов, то с церберами столкнёшься. Запасной вариант мо-

жет реально спасти тебе жизнь.

— Но ведь ты мог в обход...

— Ёпта... Во-первых, мы всегда ходили группой, а ты видела, как у Буббы глаз дёргался, если я что-то предлагал сделать не по плану. Во-вторых, для этого нужно очень много времени.

— Значит, после смерти Магнуса у тебя оно появилось?

— Скажем так... Пока меня никто не ограничивал, я не терял времени даром. Искал, исследовал... Тем более Илва и Дин заняты совсем другими вещами...

— Претворяют идею Магнуса в жизнь?

— Пытаются, но после смерти Магнуса дневник пропал...

— Значит, Дину вряд ли удастся воплотить задуманное...

— Я бы не был так уверен. Они практически ежедневно отправляют патруль сюда, на поиски. Ведь Эйрику Халле однажды повезло обнаружить тайник...

— Выходит, Магнус умер уже давно?

Меня настолько поразило само известие о его смерти, что я даже не спросила, когда это случилось.

— Через пару месяцев после твоего исчезновения.

— И Дин до сих пор не оправился?

— Дин жив-здоров, просто он изменился. Ты ведь сама сказала, что люди меняются под гнётом обстоятельств.

Дальше мы продолжаем свой путь молча, погрузившись каждый в свои мысли и лично мои — полны тьмы.

Небо подмигивает тысячами звёзд, а луна уже вылупилась и глазееет на нас жёлтым глазом, когда мы, наконец, выбираемся из тоннеля.

И снова я дышу так, будто в последний раз. Касаюсь пальцами сухой травы, что едва колышется от лёгкого дуновения ветерка. Свобода внутри тебя. Свобода — это когда ты принадлежишь сам себе. Так, кажется, было написано в книжке Крэма?

— А где Крошка?

Мы как раз минуем бузинную рощу, где обычно прятали под замком машину в неприметном гараже. С теплом вспоминаю старое ржавое корыто, не раз спасавшее нам жизнь.

— Я не смог её взять. Ключи теперь у Илвы. — Фолк направляет рюкзак. — Так что придётся идти пешком.

Пешком.

Мне подходит.

Потому что впереди меня ждёт встреча с прошлым, и получить отсрочку — это как отхватить неожиданный подарок.

На путь, на который на машине у нас уходило четыре часа, теперь мы тратим целых два дня, и то, только потому, что идём не по дороге, а движемся напрямик к горам. А горы, как известно, пристанище тех, с кем лучше не встречаться.

— А разве здесь не опасно? Не нарвёмся на диких?

— Вот так обычно людей и превращают в монстров. Стоит пару раз показать на экране кровожадную картинку и — готово. Во-первых, они живут гораздо выше и с гор спускаются

крайне редко. Во-вторых, что ты вообще знаешь о диких?

— Ну... Они живут в Диких землях и... пожалуй, это всё, что я знаю.

Вспоминаю всё, что крутили про диких по моновизору. Фотографии, на которых люди в лохмотьях, грязные, беззубые... Одним словом — дикари. Для города они — оставшие в развитии люди, не захотевшие жить в цивилизации. Вроде как и ничего такого, но у большинства горожан эти картинки вызывали стойкое отвращение. Конечно, хуже только кровожадные падальщики, но те пробуждали в первую очередь животный страх.

— Ну а я знаю больше. Людьми они не питаются. А уж свободы у них побольше, чем на острове.

— Откуда ты знаешь?

— Ты забыла, что когда-то я был одним из них?

— Нет, я помню, что ты из Диких земель, Дин рассказывал, что Магнус спас тебя и твою мать...

— Дин был ребёнком и мало что помнит. Мне было семь, но это была моя жизнь. И, когда у меня её отобрали, я был убит горем...

— Отобрали? Как это?..

— Магнус. Они тогда тоже слонялись по Диким землям, но гордо именовали себя свободными. Иногда он захаживал к нам в деревню. И ему приглянулась моя мать. Он сделал всё, чтобы очаровать её. А это он умел.

— И твоя мать купилась?

— Не просто купилась, — поправляет Фолк, — она влюбилась.

— И что же дальше?

— Мой отец...

— У тебя был отец?!

— А что тебя так удивляет?

И правда. Ведь логично, что вне города люди живут *семьями*. Но рассказывая историю Фолка, Дин ни разу не упомянул о нём.

— Наверное, то, что его не было на острове, а твоя мать была возлюбленной Магнуса?

— Мой отец не придумал ничего лучше, кроме как отпустить её. Он считал, что у человека должно быть право выбора. А моя мать... Она не была для Магнуса возлюбленной, она была подружкой, любовницей, вдохновительницей, да кем угодно, но только не возлюбленной. Он относился к любви по-философски и не обременял себя долгими узами. Его девицы это понимали. Но моя мать была из другого теста.

Пытаюсь переварить услышанное и понять, как так вышло, что я не разглядела сущность Магнуса? Наверное, сказался недостаток общения и отсутствие опыта. Одно дело, когда человек проявляет свой характер, как та же Тина, и совсем другое, когда он старается закупорить себя настоящего и скрыться за доброжелательностью и харизмой. Тут придётся постараться, чтобы добраться до сути. Ты будешь слой за

слоем снимать с него шелуху, точно он — луковица. Да только лук заставляет плакать, и люди обычно прикрывают глаза или отворачиваются, так что гнильцу можно и не заметить...

— Она его любила...

— Да, а мой отец любил её.

— Почему ты не ушёл с острова, когда вырос? — по его взгляду догадываюсь, что всё было иначе.

— Я ушёл. Но отец к тому времени уже умер, а люди в поселении диких были мне чужими. Нет, они хорошо меня приняли, но... мой Дом был уже на Либерти.

— Но ты ненавидишь Либерти.

— Не совсем так. Бывает, ты любишь место, но ненавидишь то, что с ним происходит. Да и с людьми такая же беда.

— Значит, ты вернулся?

— Дом — это не там, где тебе хорошо и уютно, а там, куда тебя тянет вернуться... Так что я тоже сделал свой выбор. Пожалуй, здесь и устроим привал...

Я с облегчением сбрасываю рюкзак, от лямок которого на плечах, наверное, остались глубокие борозды. Для ночлега Фолк выбрал поляну, со всех сторон закрытую высокими острыми скалами. Не скалы, а настоящие зубья. Схлопнутся и — поминай как звали. В сумерках они походят на великанов, навечно застывших во времени.

Мы собираем хворост, разжигаем костёр и усаживаемся возле огня. Совсем как на фестивале Свободы прошлым летом. Не хватает только песен, танцев и Тины с её предатель-

СТВОМ.

Ужинаем бутербродами с сыром и овощами из Бухты, запивая водой.

Темнота сгущается, и я, словно летящий на свет мотылёк, подвигаюсь ближе к огню. Теперь скалы нависают над нами, готовые сомкнуться и попробовать нас на вкус, проверить — живые ли ещё или душой уже мертвецы?

Фолк подкидывает ещё дров, и пламя разгорается с новой силой, пожирая дерево.

— Давай-ка спать... — предлагает он.

Фраза звучит издевательски, если припомнить прошлую ночь, так что мои щёки опалает румянец.

Интересно, сойдёт за жар от костра?

Вряд ли.

Земля до того промёрзшая, что я стелю одеяла почти вплотную к огню, но по разные стороны от костра. Пожелав Фолку спокойных снов, заворачиваюсь в своё, будто в кокон, и блаженно закрываю глаза.

Из дневника Эйрика Халле. Истина

Чтобы человек оценил свободу, он должен сначала её потерять. А потом вернуть с боем. Только в этом случае что-то получится. Простая истина, о которой мало кто знает и уж тем более — мало кто задумывается.

Я смотрю на людей, большинство из которых совершенно не замечают, что их права сокращаются вместе с дневным пайком, урезаются и сжимаются до размера песчинки.

И однажды не останется ничего.

Но тогда будет поздно, ибо все указы будут подписаны, а рты равнодушным заткнуты. Я знаю, что так и будет.

Я вижу это.

Я один из тех, кого пытаются заткнуть. И боюсь, однажды у них получится.

Глава 7. Встреча

Позавтракав остатками бутербродов, мы прячем одеяла в рюкзаки и отправляемся в путь. И чем ближе я к острову, тем сильнее стучит сердце. Так случается, когда чего-то ждёшь и одновременно страшишься этого.

Горы остались позади, а впереди раскинулась равнина. На горизонте зеленеет лес. Где-то там скрыта меж скал железная дверь. Дверь в прошлое.

Воды у нас осталось на пару глотков, и я уже ощущаю, во рту сухость пустыни.

Когда Фолк в очередной раз спрашивает, как я себя чувствую, не выдерживаю и огрызаюсь.

— Человек — существо вечно недовольное, — философствует Фолк. — В тюрьме плохо, на воле тоже всё не так...

— Да что ты вообще об этом знаешь?

— Ты так говоришь, будто я живу в какой-то другой жизни.

— Жить можно по-разному. Одни жрут деликатесы, а другие давятся коркой хлеба.

— Да, но ты спрашиваешь, знаю ли я, как принимать пищу. Только процесс один, и не имеет значения, намазан ли кусок хлеба икрой.

— Тебе бы в Регентстве работать, в министерстве Просвещения... — ехидничаю я.

— Меня не возьмут. Я не люблю подчиняться.

— Это уж точно... — бормочу, глядя на горизонт.

Нам осталось идти всего ничего, и с каждым новым шагом я чувствую, как тяжелеют плечи, а сердце бьётся всё чаще — скоро выпрыгнет из груди. Всему виной предстоящая встреча с Дином и остальными.

Когда мы добираемся до двери, меня бьёт такая крупная дрожь, будто я сутки провела под дождём и теперь никак не могу согреться. Я нервничаю так сильно, что огрызаюсь на любое слово Фолка.

— Слушай... Я понимаю, как тебе сейчас сложно.

— Да что ты...

— Ёпта... Да ты вся трясёшься! Не волнуйся так. Не так уж важно, как тебя встретит твой Дин. На острове есть люди, которые будут очень рады твоему возвращению.

— Конечно... — пожимаю плечами, отчаянно пытаюсь скрыть волнение. — Всё нормально.

— Вот и славно. И ещё кое-что. Прежде чем мы окажемся на острове, я хотел бы попросить тебя об одолжении.

— Каком?..

Фолк роется в своём рюкзаке и выуживает блокнот в кожаном переплёте с золотистым тиснением. *Дневник Эйрика Халле.*

— Вот, это тебе. Возьми...

— Откуда он у тебя?..

— Неважно! — глядя в сторону, вздыхает он. — Но я про-

шу не отдавать его Дину.

— Ты что же, украл его?..

— Позаимствовал... Чтобы хоть как-то застопорить их поиски.

— Но почему ты отдаёшь его мне?..

— Хочу, чтобы ты прочла его. Может быть, ты всё-таки изменишь мнение и попытаешься отговорить Дина от затеи со взрывчаткой...

Из-за этой самой книжицы моя жизнь пошла под откос, и я с трудом подавляю желание избавиться от дневника, изорвав, выбросив, или, на худой конец, вернув его Фолку.

— Ладно.

Беру в руки ненавистный блокнот и прячу во внутренний карман чужой куртки, к самому сердцу, которое и так неистово бьётся.

Фолк привычным движением стучит по двери. Тук. Тук-тук-тук. Тук. Почти сразу же слышится лязг засова. Меня охватывает чувство дежавю — вот сейчас дверь откроется, и я увижу веснушчатое личико Крэма. Но вместо маленького друга появляется... Тьер.

— Наконец-то! — он испуганно озирается вокруг. — Дин рвёт и мечет, тебя не было больше недели... Я уж думал, произошло самое страшное...

— Всё в порядке! — успокаивает его Фолк. — Ты же знаешь, Каре нужно было время, чтобы прийти в себя.

— Конечно-конечно! — поспешно соглашается Тьер и касается пальцами своего носа, привычно двигая его из стороны в сторону. — С возвращением! Я рад, что ты теперь свободна! — гнусавит он.

— Спасибо... — благодарю, облизывая пересохшие губы.

Тьер — лишь маленький фрагмент Либерти. Самые болезненные ждут меня впереди.

— Я провожу вас, а сам останусь дежурить, скоро меня должна сменить Сири. Входите же!

Спустившись, мы дожидаемся, пока Тьер закроет внешнюю дверь, и все втроём шагаем вперёд. Шаги звучат гулко, но зато наверняка заглушают удары моего сердца, которое вот-вот выскочит из груди. Стекланные стены бывшего океанариума кажутся ещё более тёмными, чем я запомнила. А, может, за год слой ила стал действительно толще и теперь пропускает меньше солнечного света?

Добравшись до второй двери, Тьер выпускает нас наружу, а сам остаётся стеречь тоннель.

Вот и всё.

Я вернулась.

Горько-пряный аромат цветов, хвои и... минувших дней будоражит душу. Так пахнет Дом. С ноткой боли, но это ничего...

Воспоминания оживают раньше, чем мне бы хотелось.

Всё также сторожит живой коридор Кригер, привалившись к дереву: всё те же солнцезащитные очки и форма —

совсем не изменился, будто только вчера я появилась на острове и пожимала его высохшую ладонь.

Память выкладывает картину осколками прошлого, словно мозаикой из Храма. Вот-вот из-за деревьев появится силуэт Магнуса, я даже как будто слышу шуршание его мантии. А здесь мы с Крэмом однажды вечером ловили сверчков. Так я и шагаю по страницам собственных воспоминаний, которые горчат, как то самое червивое яблоко...

— Эй, ты в порядке?

Вечный вопрос, на который нет правдивого ответа. Быть в порядке — как это вообще? Дышать и переставлять ноги — считается?

— В полном, — опять враньё.

Вместо того чтобы двинуться к Дому, я сворачиваю налево. Фолк молча шагает рядом. Никаких вопросов. Никаких комментариев.

Липовая аллея всё так же шелестит листвой, да и лавочки никуда не делись, и всё же что-то неуловимо изменилось...

Или изменилась я?

Хижина ведуньи как будто ещё больше обветшала и ещё сильнее завалилась на левый бок.

Старуха выползает медленно, еле переставляя ноги. Её мутные глаза прожигают душу.

— Ты вернулась, душа?

Вернулась?

И да и нет.

Часть души осталась гнить в подземельях Кульпы.

— Я видела вас во сне...

— Сон — это продолжение жизни... — старуха ковыляет ко мне.

— Вы об этом испытании говорили тогда?

— Жизнь постоянно посылает человеку испытания... — отвечает она.

— Как удобно... В прошлый раз вы меня запугали, а теперь как ни в чём не бывало заявляете, что испытания будут всегда.

— Укроти гнев свой, душа... Впереди тебя ждут другие тяготы.

— Да пошла ты... — цежу сквозь зубы. — С меня достаточно.

Бреду прочь. Впереди меня ждёт, пожалуй, самая главная встреча.

Встреча с прошлым.

— Не обращай внимания на Рагну. Она живёт в своём мире.

— Хорошо устроилась... — ворчу я, хотя и понимаю, что старуха ни в чём не виновата. Эта женщина наводила на меня страх, а её предсказания порой пугали сильнее фантомов, но злого умысла в них никогда не было.

— Ты нервничаешь...

Фолк, как всегда, безошибочно угадывает моё настроение. Хотя сейчас всё и так очевидно, к Рагне не ходи.

— Только не проси взять себя в руки...

— Даже не думал. Просто хотел сказать... Если что — я рядом.

Вскидываю удивлённый взгляд. Этот парень поражает всё больше. Сначала он спасает меня из Кульпы, приводит на остров, а теперь обещает быть рядом. И обещание это много стоит.

— Спасибо...

Из-за густых зарослей выглядывает крыша Дома. Сколько раз я видела его во сне? Сколько раз бродила по тропинкам острова? Вот я и вернулась туда, где так недолго была по-настоящему счастлива.

Мифическое счастье, от которого остался лишь пшик.

Дышать становится трудно. Фолк был прав, теперь всё иначе. Мы подходим ближе, когда в дверях Дома появляется... Дин. Лицо измято горем. В глазах — тоска. Губы плотно сжаты, словно их заклеили или зашили. И всё равно это он. Мой Дин. Теперь мне совсем нечем дышать. В грудной клетке хищной птицей бьётся боль, царапая когтями сердце.

Почему же так больно? Разве я не разучилась чувствовать?

Едва сдерживаюсь, чтобы не облизать искусанные до крови губы и не пригладить волосы, которые только-только начали отрастать. Мне не нужно зеркало, я и так знаю, что выгляжу жалко: измождённая, с посеревшим лицом и жуткими синяками под глазами, в куртке с чужого плеча...

Презираю себя уже за то, что меня это волнует.

— Кара? — Дин нерешительно шагает ко мне и неуклюже обнимает. — Неужели это и вправду ты?

Я столько раз представляла нашу встречу, но реальность оказывается ошеломляющей. Его объятия — какие-то вялые и бесконечно чёрствые, совсем как сухари в тюрьме. Будто меня обнимает не живой человек, а безжизненная кукла.

— Что с тобой случилось? — он выпускает меня и отступает, оглядывая с ног до головы. — Мы думали, ты оступилась и упала с обрыва.

Под его взглядом хочется уменьшиться до размера песчинки, но я гордо вздёргиваю подбородок и отвечаю:

— А ты спроси у *неё*, — киваю на Тину, застывшую на крыльце.

Та невозмутимо смотрит в ответ, а потом уголки её губ вдруг приподнимаются, демонстрируя полуулыбку, полуусмешку.

— О чём ты? — Дин непонимающе смотрит на меня.

— Это она, — я тычу в Тину пальцем, — столкнула меня! — мне хочется, чтобы голос звучал спокойно и ровно, но он как будто принадлежит теперь визгливой истеричке.

Дин переводит взгляд на Тину.

— Это правда?

Его вопрос сам по себе причиняет нестерпимую боль.

— Дин... Ты думаешь, я вру? — спрашиваю так тихо, что сама едва могу себя слышать.

Разыгравшаяся сцена кажется мне отвратительной — будто неудавшийся дубль в бездарном кино.

— Нет, конечно, нет. Но ведь ты могла ошибиться?

Ошибиться?

— Дин, а что случилось с твоим отцом?..

Он вздрагивает. Затем я вижу, как его глаза меняются. Теперь в них то же северное море, что и в глазах Магнуса, только покрытое коркой льда. От такой синевы хочется накинуть на плечи плед и хорошенько укутаться. Глаза Дина холодные и пустые — никакого солнца, никакой жизни.

— Его убили.

— Может быть ты ошибся, Дин? — быю той же монетой.
— Подумай об этом.

Больше мне сказать нечего, и я прохожу мимо, моля эйдоса, чтобы этим и завершилась наша перепалка. Но никто не спешит меня догонять и рассыпаться в извинениях. А чего я, собственно, ждала? Что Тину изгонят с позором с острова или казнят?

Вхожу в Дом в полном одиночестве, мечтая в нём раствориться. Остров изменился. Или он был таким с самого начала, а у меня не хватило мозгов это понять? Ведь предупреждал же Фолк о змеях в Раю...

Глава 8. Первый день

На следующее утро я просыпаюсь от урагана, имя которому — Крэм. Этот сорванец влетел ко мне в комнату, даже не постучав.

— Кара! — с разбегу он запрыгивает на кровать, сминая под собой одеяло. — Когда Фолк сказал, что ты вернулась, я сначала не поверил! — затараторил мой маленький друг. — Я сказал ему, что такими вещами не шутят, а он велел мне проверить твою комнату! И вот Крэм здесь! Как же я рад! Ты не представляешь себе!

Он обнимает меня крепко-крепко и несколько раз целует в щеку. Обнимаю его в ответ. От него пахнет сеном и молоком... Наверное, Альфа снова отелилась... От воспоминаний о прошлом лете на глаза наворачиваются слёзы, но я быстро смахиваю их.

— И я рада тебя видеть, Дружок! — встреча с Крэмом — лучшее лекарство от хандры. Так всегда было и так всегда будет.

— Что же с тобой случилось?..

Как ответить? Что сказать?

— Не хочу об этом говорить... — решаю быть честной. — Но одно могу сказать точно — я выжила благодаря тебе...

— Правда? — его серые глаза глядят с удивлением.

— Самая настоящая... А сейчас давай-ка я оденусь, и мы

позавтракаем?

— Ох, Крэм уже завтракал, потому что дежурит на Кухне... Ви-Ви меня отпустила только на пять минут. Так и сказала: Крэм, не подводи меня, поздоровайся и возвращайся. Но я тебя провожу! — обещает он. — Одевайся, я подожду в коридоре.

Наскоро привожу себя в порядок и покидаю комнату.

Маленький друг тянет меня за руку, совсем как в то памятное утро, когда Магнус устроил моё знакомство со свободными. То же липкое чувство охватывает — страх перед встречей с жителями острова. В тот раз меня поддержал Дин, сегодня мне предстоит справиться самой.

С высоко поднятой головой выхожу на террасу. Ловлю удивлённые взгляды свободных. За всё тем же центральным столиком восседают Дин, Илва и... Тина. Она взирает на меня со злорадством, явно наслаждаясь своим превосходством. В груди снова вспыхивает боль. Дин серьёзен и коротко кивает в знак приветствия. Янтарные глаза Илвы глядят оценивающе — наверняка подружка Магнуса прикидывает, чем грозит ей моё внезапное возвращение.

Наконец, первое оцепенение проходит, и со всех сторон меня начинают поздравлять с возвращением домой.

Домой.

Слово должно вызвать приятные воспоминания, но вызывает только грусть и тоску.

— Навоз мне в нос! Вот это да... — Бубба хлопает меня

по плечу. — Что с тобой стряслось?..

— Кульпа... — произношу на выдохе.

— Как это?.. — он хлопает глазами, не веря. — Как ты туда попала?..

Интересно, если я ему расскажу про Тину, он тоже начнёт за неё заступаться? Наверняка. Если дело касается Тины, Бублик превращается в слепого котёнка.

Из-за крайнего столика, вскочив, ко мне спешит Аниса. В её огромных печальных глазах отражается радость.

— О, Кара! Какое счастье! — объятия Анисы такие радужные и искренние. — Я так плакала, когда ты пропала... И не хотела верить, что ты погибла. Пойдём скорее за наш столик! Расскажешь, что с тобой приключилось!

Мы садимся, и Тьер приветливо улыбается.

— С возвращением! Рад твоему спасению.

Я ещё раз благодарю его за помощь и рассказываю Анисе, какую роль её возлюбленный сыграл в этом всем.

— Серьёзно?! Но почему ты мне ничего не сказал?.. — Аниса поворачивается к Тьеру. — Ведь Кара — моя подруга...

— Хотел устроить сюрприз. Тем более что всё могло закончиться плачевно... Прости, Кара, но это правда! — добавляет он, явно смутившись.

— Конечно, ты всё правильно сделал! Да я до сих пор не могу поверить, что это не сон... — смахиваю непрошеные слёзы. — Боюсь закрыть глаза и проснуться в Кульпе...

— О, дорогая... Какой ужас тебе пришлось пережить, настоящий кошмар... — в глазах Анисы снова поселяется печаль. — Ты так изменилась... Похудела. И твои волосы...

— О, это мелочи. Вес можно набрать, а волосы отрастут...

«А вот что делать с покалеченной душой, получится ли её залатать?» — думаю я про себя.

— Давайте больше не будем о грустном? — предлагает Тьер. — И вообще, Кара, давай-ка берись за еду... Я обещал Фолку тебя накормить.

Он пододвигает ко мне тарелку с желудёвой кашей.

Волна стыда накрывает меня: я совершенно забыла о Фолке. Оглядываюсь вокруг в поисках парня, но в упор его не вижу.

— Фолка здесь нет, — заметив мои поиски, поясняет Тьер, — но он просил проследить, чтобы ты не осталась без завтрака. Правда, он был уверен, что ты сядешь за тот столик...

Тьер кивком указывает на стол Магнуса.

Стоит мне взглянуть в ту сторону, и настроение сразу портится. Отвожу взгляд и принимаюсь за еду.

Кладу первую ложку в рот и переносусь в прошлое. Словно я никуда не исчезала с острова, словно не было чудовищного предательства Тины, не было Кульпы, не было боли.

Ничего не могу с собой поделать и сметаю кашу за три секунды. Аниса глядит на меня с жалостью, отчего мне хочется исчезнуть.

— Отнесу посуду на Кухню, — сообщаю я, поспешно поднимаясь, — увидимся позже.

Покидаю террасу в смешанных чувствах. Я так мечтала оказаться среди людей, окунуться в толпу, услышать чьи-то голоса, кроме моих палачей, а теперь сбегая, потому что чересчур людно, чересчур громко, чересчур больно.

Чересчура абсолютно всё.

Но просто так сбежать не удаётся — на мостике, которым так хвалился в прошлом году Магнус, меня поджидают Дин и Илва.

На пальце Илвы блестит перстень Магнуса — наследие Эйрика Халле. Она демонстративно проводит ладонью по перилам, чтобы я наверняка заметила изумрудный камень и скрещённые буквой «X» шпаги, а потом скрывается за яблонями.

— А почему это перстень у Илвы? — пытаюсь скрыть удивление.

— Ну, тут знаешь... — Дин как будто смущается. — Он мне большой, постоянно слетает, вот мы и договорились, что пока его поносит Илва, тем более что она мне очень помогала всё это время. Понимаешь?

— Понимаю...

На самом деле ничего не понимаю. Как Дин мог так просто передать Илве символ своего наследия? Это неправильно — как будто над самим Магнусом поглумились и оставили с носом.

«Это больше тебя не касается, — одёргиваю я себя. — Да и никогда не касалось, на самом деле...»

— Давай, я тебя провожу? — робко предлагает Дин.

— Не стоит. Я помню, где Кухня, Дин.

Покидаю мостик и направляюсь на Кухню.

— Птенчик мой! Вернулась! — ко мне торопится сама королева Кухни, непревзойдённая повариха острова, наша Ви-Ви. — Дай же я на тебя посмотрю... — она крутится вокруг меня и так и эдак, а потом выносит вердикт: — Совсем отошала, но мы это поправим! Я обещаю.

— Спасибо тебе... — я так тронута её заботой, что на глаза снова наворачиваются слёзы.

— Ну что ты, не плачь! Всё уже хорошо! Главное, что ты *дома*.

— Да, дома... — я улыбаюсь в ответ. — Прости, мне нужно навестить Шпанса, я не видела его за завтраком.

— Ох, птенчик... — отвечает Ви-Ви с грустью. — Обязательно к нему сходи, обязательно!

Глава 9. Шпанс и почти что драка

Здесь пахнет затхлостью, старостью и обречённостью. Пыльные шторы наглухо задёрнуты. В углу стоит стол, заваленный горой микросхем и клубками проводов, а в углу на потёртом старом диване кутается в плед Шпанс.

Сердце сжимается от боли, глядя на него. На посеревшем лице — впалые щёки, а глаза... глаза тусклые, будто подёрнутые серой дымкой, жизнь в них едва теплится.

— Здравствуй, девочка... — голос Шпанса хриплый и слабый. Год назад всё было иначе.

— Я так рада тебя видеть... — подхожу к дивану, сажусь на самый краешек и беру Шпанса за руку. На ощупь она сухая и гладкая. — Хотела поблагодарить за спасение...

— Так это не я тебя спас, а Фолк. Прилип как провод к плате — помоги... Пришлось помочь, чтобы отвязался.

Громко закашлявшись, Шпанс тянется к стоящему на тумбочке стакану с водой. Я помогаю ему приподняться и придерживаю стакан, пока он пьёт.

— Так-то лучше, — хрипит он. — Ладно я, расскажи, как ты? Я не был уверен, что ты жива. Сама знаешь, Кульпа место страшное...

При упоминании о тюрьме горло сжимает судорогой. Самой бы не помешало глотнуть воды, но я беру себя в руки.

— Мне повезло... — шепчу пересохшими губами, одёр-

гивая рукав кофты. Ни к чему Шпансу знать подробности.

— Прости, что мы так долго...

— Ну что ты! Я и не ждала, что меня будут спасать, и готовилась... к худшему. Как же вам удалось?..

— Пришлось постараться, чтобы достать план Кульпы.

На сей раз в его глазах появляются проблески интереса: он всегда оживал, стоило взяться за очередную задачку.

— Где ж ты её раздобыл?

— Перетряс все архивы «Трёшки»... Когда-то из Кульпы к нам поступал запрос на обновление сканеров. Мне повезло

— план никто так и не удалил...

Я вздыхаю. Значит, сама судьба вмешалась. И что меня ждёт дальше? Когда-то Дом был для меня всем, но не теперь. Теперь он кажется чужим, а я себе — неудавшимся дублем, который давно пересняли, но совершенно случайно обнаружили на финальном прогоне — и вырезать не получается, и оставить нельзя.

— Тебе что-нибудь нужно? — запоздало спрашиваю, устыдившись собственного эгоизма. Шпанс смертельно болен, а я всё продолжаю жалеть себя.

— Нет, ничего... — снова закашливаясь, с трудом произносит Шпанс. — Мне не так долго осталось, девочка... Но это тоже ничего... — заметив, как я сникла, он ободряюще улыбается. — Мне уже лучше будет там, чем здесь. Слишком больно.

И снова я плачу, но на сей раз не о себе, а об этом добро-

душно-ворчливом мужчине.

— Ну вот... Я расстроил тебя, старый дурак... — он ворчит сам на себя, искренне расстраиваясь.

— Я буду дежурить у тебя каждый день...

— Нет. Я не для того помогал Фолку, чтобы ты теперь окопалась в новой тюрьме. Да и Биргер заботится обо мне, не волнуйся.

— Тогда я буду навещать тебя, хорошо? Мы будем говорить обо всём и ни о чём... Или будем молчать, всё равно... Просто я буду рядом, буду держать тебя за руку, поить водой, кормить, если потребуется.

— Собеседник из меня не очень... Я всё больше сплю, если боли не мучат. Но ты заходи...

— Кара! — в дверях появляется Илва. — Раз уж ты вернулась, давай-ка, берись за работу. Сегодня дежуришь на Ферме.

Мне хочется её задушить. Не за презрение ко мне, а за равнодушие к умирающему.

— Сейчас иду... — отвечаю сквозь зубы, едва сдерживая гнев. — Я загляну к тебе вечером, Шпанс, отдохай...

Даже не глядя на Илву, прохожу мимо и сразу же отправляюсь на Ферму, надеясь, что работа поможет отвлечься от тягостных мыслей.

Переступаю порог курятника и сталкиваюсь с Фолком. Как всегда, хмурый, он уже вовсю трудится.

— Откуда ты взялся?

— Я же сказал, что буду рядом... — он даже головы не поворачивает в мою сторону.

— Мне не требуется нянька...

— Ты ещё не восстановила силы. Будет сложно.

— Только не надо меня опекать... — выплёскиваю скопившуюся злость на Фолка, хотя он-то точно ни в чём не виноват. — Прости... Это сложнее, чем я думала.

— Знаю. Потому я и здесь. И не бойся, ты меня не увидишь и не услышишь, только если действительно нужна будет помощь. Давай, ты накормишь птиц, а я почищу загоны?

— Ну уж нет... Я накормлю птиц, а потом помогу тебе.

— Ёпта, да не нужно никому ничего доказывать! Ты ещё слаба.

— Я справлюсь.

— Ладно.

Больше мы не говорим и работаем молча.

Пока разбрасываю корм птицам, размышляю о своей жизни, пытаюсь понять, как жить дальше. Дело совсем не в дежурствах, а самом острове... Я больше не чувствую себя здесь свободной, не чувствую себя в безопасности, словно незримая тень Тины следует за мной попятам, чтобы снова столкнуть с обрыва. А жалостливые взгляды островитян раздражают настолько, что я мечтаю сбежать отсюда.

Покормив птиц, берусь за вторую лопату и присоединяюсь к Фолку.

Похоже, он оказался прав: каждый новый взмах лопатой крадёт силы, голова кружится, а пальцы совсем ослабли. Набрав очередную порцию помёта, меня вдруг ведёт в сторону, ноги подкашиваются. Если б не бросившийся ко мне Фолк, я бы точно растянулась на грязном полу загона.

— Ну вот, Карамелька, что и следовало доказать... — он аккуратно забирает у меня рабочий инструмент. — Облокотись-ка на моё плечо.

Я почти повисаю на нём, потому что ноги уже не держат. Фолк подводит меня к старому дырявому корыту, которое лежит в углу перевёрнутым днищем кверху, и усаживает на него.

— На, попей воды... — он приносит бутылку и, отвинтив крышку, протягивает мне. — Да ты вся белая!

Жадно пью, а остатки выплёскиваю себе в лицо. Становится легче. Фолк садится на корточки передо мной и с тревогой заглядывает в глаза.

— Спасибо...

— Ну говорил же: не усердствуй! *Чтои кому*ты пытаешься доказать?

— Что я сильная. Что я живая. Что я вернулась. — Произношу с горечью. — Кому? Себе.

— Если не хочешь загреметь в Лазарет, лучше сбавь обороты.

Он протягивает руку и стирает каплю воды с моего подбородка. Жест вышел до того интимным, что я вдруг перено-

шусь в Бухту, в тесную каюту, в темноту ночи. Только сейчас светло, и я могу видеть его глаза, которые блестят привычной сталью, но как-то совершенно иначе — будто серебрятся.

— Надеюсь, я не помешал?..

В дверях стоит Дин и, сощурившись, смотрит на нас. Как давно он здесь? Как много видел и слышал? Щёки горят огнём.

— Нет, не помешал, — поднимаясь, отвечает Фолк. — Каре стало плохо...

— И ты тут как тут, да? — Дин сжимает кулаки, в любую минуту готовый броситься на Фолка.

— Да, потому что какой-то идиот поставил её дежурить на Ферму. Ты случайно не знаешь, кто это, а? — Фолк демонстрирует свою коронную ухмылку со сколотым зубом.

— Вопросами дежурств занимается Илва, если она так решила, значит, так было нужно.

— Да она просто хочет её угробить!

— Фолк, не надо... — меня едва слышно, поэтому приходится повторить дважды: — Не нужно меня опекать.

Дин подходит ближе. Его лихорадочный взгляд блуждает по моему лицу, будто выискивая что-то, известное только ему одному.

— Ты освобождена от дежурства сегодня, — наконец, смягчается он. — И я попрошу Илву давать тебе пока что-то попроще.

— Неужели дошло?.. — шипит Фолк.

— Слушай, заткнись! И скажи спасибо, что я тебя не наказал за самодеятельность.

— Какую это?

— Ты сам всё решил, сам всё спланировал, сам отправился в Кульпу, а должен был доложить мне... Я твой новый лидер.

— Ну прости, что я спас твою *невесту*...

Невеста. Давно забытое слово, давно забытые чувства.

— Вот именно, говнюк, она *моя* невеста. Ты должен был мне сказать... Я должен был пойти за ней...

— Мальчик, который ни разу не бывал в городе, покоряет Кульпу? Не смейся. Тебя бы сцапали за первым же углом.

— Конечно, куда мне до героя Фолка, который вечно лезет не в своё дело!

От их перепалки меня трясёт. Если Фолк всегда был таким, то Дин всё-таки умел держать себя в руках. Но не теперь. Милый добрый парень исчез, а его место занял холодный незнакомец.

— Хватит! — с трудом поднявшись, я прохожу мимо них и направляюсь к выходу. — Избавьте меня от подобных сцен. Я здесь, и я сама могу за себя говорить. И сейчас я говорю, что устала. И мне правда лучше немного отдохнуть. И я прекрасно дойду, спасибо.

Покидаю Ферму, ноги ещё дрожат, но я стараюсь шагать ровно, потому что знаю: эти двое за мной точно наблюдают.

Глава 10. Прогулка в прошлое

— Давай прогуляемся? — затаив дыхание, спрашивает Дин, перехватив меня после завтрака на террасе.

Вот уже третий день он уговаривает с ним встретиться. Это превратилось в своеобразный ритуал: он предлагает, я отказываюсь; он делает ко мне шаг, а я от него — два. Смаживает на смертельный танец.

— Прости, но не могу...

— Я просто хочу поговорить. Нам это нужно.

— Нам?

— Хорошо... *Мне* это нужно. Возможно, что и *тебе* это тоже нужно. Мы должны жить дальше. Давай поговорим хотя бы в память о прошлом?

В память о прошлом. В память о несбывшемся счастье.

И я соглашаюсь. Видит эйдос, не могу отказать, ведь это прошлое — часть меня и пришло время решить, что с ним делать: то ли выбросить за борт души, то ли запрятать поглубже.

— Вечером, после работы.

— Давай на аллее Любви? — лицо Дина будто озаряется светом, черты смягчаются, а море в глазах теплеет.

Аллея Любви или Липовая аллея. Второе название подходит больше.

— Хорошо, Дин. Встретимся там.

Могучие липы продолжают шелестеть листвой и горькими воспоминаниями. Старая скамейка. Старые чувства. Осталось ли хоть что-то? Аллея здесь, а вот остальное...

Дин уже ждёт меня. В руках брызгами неба — васильки... Только небо какое-то блёклое, выцветшее...

— Привет... Это тебе...

— Спасибо.

Принимаю дар, гадая, что значит этот букет для него, а главное — для меня.

— Пройдёмся?

Дин берёт меня под руку, и мы устремляемся туда, где ещё год назад беззаботно бродили по дорожкам острова. Однажды я возомнила себя бабочкой, совсем забыв, что они не живут вечно. Одно счастливое лето и мои крылья безжалостно сломали...

Останавливаемся у ближайшей лавочки — покорёженной и без спинки, словно и её сломили перемены. Садимся. А раньше бы — с разбега да прямо в траву. Горько.

Почему-то именно сейчас я бы хотела вернуться в прошлое, побродить по дорожкам острова, когда на душе — лето, в волосах — ветер, а впереди — надежда.

— Я знаю, что всё изменилось, Кара. Ты, я, остров, сама жизнь, но я хочу, чтобы ты знала. Мои чувства к тебе остались прежними.

Всматриваюсь в его лицо. Потеря прошла по нему неви-

димыми чернилами, разукрасив суровостью скулы и капнув в глаза ледяной стужи.

Могут ли чувства остаться прежними, если сам человек изменился? Вряд ли.

— Препних нас нет. А значит, нет и препних чувств, Дин...

— Некоторые вещи не меняются никогда...

Ой ли?

Отчаянно хочу в это верить, да только не выходит, потому что сама жизнь переменчива.

Дин касается моей щеки, затем — шеи, и я жду того волшебства, что испытывала от его прикосновений раньше. Огонёк едва теплится, и всё же он есть... Получится ли раздуть из него пламя? Не обречён ли огонь погаснуть, если вокруг только пепел и зола?

Вот Дин наклоняется ко мне и... Закрываю глаза в надежде перенестись в прошлое и почувствовать вкус препнего счастья. Того самого, которым жила и дышала когда-то.

Но поцелуй выходит таким же чёрствым, как и наши объятия в день моего возвращения. В поцелуе нет жизни, нет чувств, которые однажды подарили мне крылья. Картонное счастье смялось под тяжестью перемен.

— Ты до сих пор пахнешь свободой и мечтами... — шепчет Дин.

— От меня за версту несёт тюрьмой и предательством... — возражаю я.

— Тебе пришлось многое пережить. Но теперь всё позади. И мои чувства к тебе совсем не изменились...

— Меняется всё, Дин...

Вздохнув, он выпускает меня из объятий.

— Смотри... Это твоё.

Его пальцы ныряют в карман ветровки и выуживают... кривобокий белый камень на шнурке. Мой оберег. Беру в руки и крепко сжимаю. *Не уберёг*. Теперь его кривые края напоминают мою жизнь — такую же кривую и извилистую. Знала ли Рагна, что всё обернётся так?

— Тина сорвала его...

— Она всё мне рассказала. Говорит, что не хотела ничего такого. Вы поссорились, она тебя толкнула. И когда ты начала падать, ухватила за шнурок, чтобы удержать... Но не вышло. А потом она испугалась... Вернулась, чтобы помочь тебе, но было уже поздно.

Стоит ли что-то доказывать? Повторять слова Тины, брошенные мне в лицо? Не хочу. Ничего не хочу.

— Давай вернёмся...

Я убираю камень в карман, а не надеваю на шею, как ожидал Дин. Вижу это ожидание в его глазах, но не могу себя пересилить — шнурок теперь напоминает удавку, и я ни за что и никогда его больше не надену.

Из дневника Эйрика Халле. Не сдавайся!

Кидаю взгляд на обшарпанные стены нашей новой квартиры. Теперь наш дом здесь. Полгода назад вышел очередной указ-удавка: всех стандартных необходимо переселить в отдельный район города.

Великое переселение во всей красе.

Регентство лютует, а народ безмолвствует. И пока происходит второе, первое никогда не прекратится. Будучи одним из тех немногих, кто это понимает, я собрал сторонников и повёл их на площадь Мира. На моём плакате чёткими буквами алого цвета было выведено:

МЫ ВСЕ ОДИНАКОВЫЕ!
ВЕРНИТЕ НАМ СВОБОДУ!

Над плакатом полночи трудилась Эм. Всё-таки у неё золотые руки. Особенно хороша она в кулинарии. Жаль, положенный нам пищевой набор снова урезали, и теперь ей приходится готовить практически из ничего.

Отправляясь на Площадь, я хотел верить, что нас услышат, и мы добьёмся хоть какого-то результата. Увы, мы не простояли и десяти минут, когда появилась полиция.

Ох и твёрдые у них дубинки...

Под натиском ударов я пытался прикрыться транспаран-

том, пока одна из дубинок не проделала дыру в слове *свобода*. Вышло символично, ничего не скажешь!

Хотя это не самое страшное. Гораздо страшнее то, что теперь мы живём в мире, где осудить могут даже за мысли. Если твоё мнение расходится с общепринятым, тебя автоматически запишут в неугодные и будут тыкать пальцем. Не согласен с линией Регентства? Значит, предатель... Из двух точек зрения есть единственно верная, а вторая — опухоль на теле общества, которую нужно нещадно вырезать.

Конечно, арест последовал незамедлительно. Меня, как организатора пикета, затаскали по судам. Сегодня прошло последнее заседание, и я, с ворохом предписаний и ограничений, оказался свободен. Только от свободы практически ничего не осталось — она выдохлась, как выдохлось шампанское, которое мы с Эм пили в день нашей свадьбы и которое нам уже никогда не суждено испытать.

С поникшей головой я вернулся домой, точнее — сюда, ибо дом мой навсегда останется там, откуда нас заставили уйти. Эм встретила меня картофельной похлёбкой и тёплыми объятиями.

— Не сдавайся! — шептала она, зарываясь у меня на груди.

Я прижимал её к себе, а в голове пойманным мотыльком билась мысль: ещё немного, и нас окончательно превратят в рабов. С тем же успехом я мог выйти на площадь с девственно белым листом — итог был бы тот же. Не дают говорить.

Не дают думать. Не дают дышать.

Глава 11. Чужие тайны и противоборство

— Эй... — ко мне подходит Аниса и разглядывает меня своими огромными глазами, которые сегодня загадочно блещут. — Ты сегодня где дежуришь?

— В Теплице.

С тех пор как я вернулась, прошло две недели, так что теперь я снова в строю, снова могу работать в полную силу, хотя вечерами и чувствую себя измочаленной тряпкой, но зато сразу же засыпаю, оказавшись в кровати.

Но и проблемы никуда не делись. Раньше я радовалась любому дежурству, сейчас же любое раздражает. Как может быть, что ты задыхаешься там, где дышалось когда-то свободнее всего? Яблоко продолжает горчить, и мне нестерпимо хочется его выбросить.

Единственное, что я себе позволяю — так это навестить Шпанса. Каждое утро я захожу к нему после завтрака и только потом иду на работу. Илва поворчала, конечно, но препятствовать не стала.

Ужинаю я у себя, а обедать стараюсь с кем-то из своих: Тьер и Аниса всегда мне рады, да и маленький Крэм — тоже. Пожалуй, только его щебетание и не выводит меня из себя, а наоборот, даёт ощущение жизни.

Фолка почти не вижу — он всё время где-то пропадает, но оно и к лучшему. Дин после той судьбоносной прогулки больше ко мне не подходит, хотя иногда я и ловлю его взгляды на себе, но стоит посмотреть в ответ, он тут же отворачивается.

— Приходи после работы ко мне? — почему-то шёпотом просит Аниса. — Тьер как раз будет дежурить у Биргера в ночь. Мне очень нужно с кем-то поговорить. Нет, не так... — увидев мой удивлённый взгляд, она торопится объяснить: — Мне нужно поговорить с *тобой*... И только с тобой. Непременно. Придёшь?

И снова эти бездонные глаза-колодцы. Я хоть и сторонюсь людей, но ей отказать не могу. Аниса и Крэм — единственные, с кем я хоть как-то могу общаться, не считая Шпанса.

— Ладно... Загляну на полчаса.

С некоторых пор я полюбила одиночество и наслаждаюсь им каждую свободную минуту, поэтому решаю не задерживаться у Анисы.

— Так ты ещё не уверена?

— Нет. Слишком мало времени прошло...

Наш разговор состоялся тем же вечером. Сначала — тягостное молчание, затем дежурная беседа о том, что произошло за прошедший год. Только как я могла говорить о случившемся? Аниса такая хрупкая, такая ранимая. Мне не хотелось её расстраивать, особенно теперь...

— Я знаю, тебе не по себе здесь, на острове. Всё изменилось. Я смотрю на тебя, Кара, и мечтаю увидеть ту беззаботную счастливую девчонку, какой ты была прошлым летом...

Аниса протягивает мне кружку с чаем. Мы сидим в их с Тьером номере: я пью чай, а Аниса что-то усердно шьёт.

— Ты хочешь слишком многого... — я отхлёбываю горячий чай, обжигаясь.

— Знаю... Тебе многое пришлось пережить, но ведь мы-то всё те же. И если тогда ты чувствовала себя здесь, как дома, то и сейчас можешь.

Я задумываюсь. Нет, не о том, чтобы снова стать счастливой, а о том, что известно Анисе и другим о моём исчезновении. Но решаю молчать. Ни к чему эти склоки, тем более что без Магнуса здесь и так всё изменилось: кажется, если поднесёшь спичку, вспыхнет весь остров.

— Спасибо, мне просто нужно время. Понимаешь?..

— Как ни понять...

— А теперь я пойду... Я ещё не совсем пришла в себя и к вечеру сильно устаю, — оправдываюсь, отставляя чашку.

— Да, конечно! — Аниса кладёт шитьё на стол. — Я тебя провожу.

Утро только-только просыпается, будто кто-то капнул розовой краски и спешно размазал по небу.

Сегодня я специально встала пораньше — у меня грандиозные планы. Хочу успеть до завтрака пройти полосу пре-

пятствий в Тренажёрке. Мечтаю восстановить силы и вернуть былую форму.

Иду по лесу, почти не обращая внимания на молчаливых стражей с густыми ветвями. В прошлом году я вздрагивала от любого шороха, теперь же твёрдо шагаю к цели.

А вот и Ферма.

Огибаю её и оказываюсь почти в полной темноте — деревья здесь растут ещё гуще, и солнечные лучи почти не проникают сюда, но мне это даже нравится...

Вот впереди вырастают очертания бывшего склада с заколоченными окнами. Запоздало соображаю, что тренировка в темноте чревата падением, сломанной рукой или даже сломанной шеей...

«Ничего... Можно начать с чего-то попроще, а потом уже взяться за полосу препятствий... — успокаиваю себя. — Главное, что-то делать, иначе я просто сойду с ума...»

Внутри темно, хоть глаз выколи. По памяти пробираюсь к тренажёрам, когда позади раздаётся едва уловимый шорох. Резко оборачиваюсь и, в скудных лучах света, пробивающихся сквозь щели в окнах, вижу силуэт человека.

— Решила немного попотеть, Карамелька?..

Фолк.

Вот он подходит ближе, размахивая футболкой. Опять снял...

— А ты что здесь делаешь? — спрашиваю хрипло, будто в одночасье простыла.

— То же, что и ты... Решил потренироваться.

— Я надеялась, что в такую рань, здесь никого не будет...

— Как и я... С чего хочешь начать?

Память услужливо подсовывает пыльную коробку с пазлами и вываливает в руки тот самый, от которого сердце сжимается от тоски: вот мы с Дином стоим напротив мишеней, он кладёт руки мне на талию, выравнивая корпус...

— Э... Думала пройти полосу препятствий, но ещё слишком темно...

— Это верно... Давай, я пока лучше погоняю тебя на матах?

«Откажись! — уговаривает внутренний голос. — К добру это точно не приведёт...»

Вместо ответа скидываю ботинки и ступаю на мат. Ступням становится холодно, а вот щёки отчего-то горят... Принимаю стойку. Фолк встаёт напротив. Секунда, и он делает коварный выпад, ставит подножку и вот я уже в его руках, в нескольких сантиметрах от поверхности мата.

Фолк смотрит на меня. Не отпускает, но и не позволяет подняться...

— И что дальше? — шепчу я на выдохе.

— Ничего из того, о чём ты подумала... — произносит он, склоняясь ещё ниже.

— Но ты даже не знаешь, о чём я подумала... — возражаю, затаив дыхание.

— Конечно, знаю... Ты думаешь, поцелую я тебя или нет...

И ненавидишь себя за эти мысли.

Я вспыхиваю. А потом резко сгибаю ногу в колене и исхитряюсь нанести удар ему в живот. Охнув, Фолк рывком поднимает меня, прижимая к своей обнажённой груди, от которой исходит такой жар, что мне самой становится невероятно жарко.

— Отпусти, самоуверенный ты сукин сын...

Он вдруг выпускает меня и отступает на шаг. Я едва удерживаюсь, чтобы не упасть.

— Не бойся... Я не претендую даже на самый пыльный уголок твоего сердца, Карамелька... — пусть его лицо и скрыто в темноте, но я точно знаю, что он сейчас улыбается. — Для меня там слишком мало места — не развернуться, так что... Давай-ка, теперь твоя очередь нападать.

Что ж, ладно!

С остервенением бросаюсь на Фолка и, сильно толкнув в грудь, отправляю его на мат, но в последний момент он хватает меня за запястье и тянет за собой, так что я валюсь на него сверху. Чужие руки крепко обхватывают талию — теперь я в ловушке — прочно прижата к мужской груди.

— Что же тебя так беспокоит? — шепчет он мягко.

«Твоя близость...» — чуть не выпаливаю я, но прикусываю язык, вовремя спохватившись.

— Ну давай же, выплесни всё, что накопилось! Ты ведь вырвалась на свободу, так пользуйся ею налево и направо! — подначивает Фолк, ещё крепче прижимая меня к себе.

— Как у тебя всё легко... — качаю головой. — Но я не чувствую себя свободной... Как будто до сих пор в Кульпе... А это всё... только сон.

— Свобода у тебя в голове, Карамелька! Тебе нужно это принять.

— Отпусти меня, пожалуйста...

Фолк тут же убирает руки с моей талии, но там, где кожи касались его пальцы, я продолжаю ощущать лёгкое покалывание. И не двигаюсь с места. Сама не знаю, почему.

— Всё не так просто...

— Я ведь уже говорил тебе, что просто в этой жизни ничего не бывает... — неожиданно он протягивает руку к моему лицу и убирает непокорную прядь волос со лба. — И у всего, что с нами происходит, всегда две стороны медали, Карамелька. Как бы там ни было, но Кульпа сделала тебя сильнее. Помни об этом.

Внезапно солнечный луч, пробравшись сквозь щель в окне, замирает на его лице. Сейчас я даже могу разглядеть чёрные крапинки в его серых, словно дым, глазах. Я будто растворяюсь в них. Или тону.

Кр-рых...

Быстрее пули скатываюсь с Фолка и поднимаюсь на ноги. Он продолжает лежать, ещё и руки под голову положил, точно загорает на пляже.

Смотрю на дверь. В проёме, громко переговариваясь, появляются близнецы. Заметив нас, они сначала замирают как

вкопанные, но потом, переглянувшись, направляются к полосе препятствий, о которой я начисто забыла.

Из дневника Эйрика Халле. Неудобный

Вчера опять испоганили дверь. На прошлой неделе это была краска, теперь — глубокие борозды, сложенные в буквы, которые просто так не сотрёшь. Но куда глубже отметины, оставшиеся в душе.

Неудобный.

Новомодное слово, взятое в оборот сотрудниками Эпи-Центра, где и я не так давно трудился, освещая новости.

Больше новостей нет. Они испарились, рассеялись, оставив лишь воспоминания... Работы меня тоже лишили, хотя, наверное, я бы всё равно ушёл рано или поздно. А теперь вот это. Бедная Эм в прошлый раз полночи отмывала дверь, а что прикажете делать теперь? Установить новую? А смысл? Они всё равно вернутся. И, вполне возможно, в их руках будут уже спички. Но меня пугает даже не это. Я боюсь за Эм. Боюсь, что однажды они зайдут куда дальше и вырежут ненавистные буквы прямо на её нежной коже...

Но Эм удивила меня, сказав, что эта надпись лишь показывает, кто есть кто в этом мире.

— А ты разве ещё не заметил?... — спросила она за скудным ужином. — Лично я прислушиваюсь к тому, что говорят неудобные, ведь им действительно есть что сказать.

Я задумался. Даже вилку отложил. И понял, что так и есть. Я охотно слушаю тех, кто по какой-то причине был признан неугодным, хотя, возможно, всё потому, что они вещают то, что близко мне по духу?

— Так что я даже горжусь этой надписью на двери... — с улыбкой добавила Эм, беря меня за руку.

И в этот самый миг я снова убедился, как же мне сказочно повезло жениться однажды на этой прекрасной женщине.

Глава 12. Новое горе

Новое горе посетило остров. Сегодня с утра Шпанса не стало. Я, как обычно, пришла его проведать, но вместо привычного кашля услышала тишину. Протяжную. Тягучую.

Шпанс неподвижно лежал на кровати, глаза — в потолок, а на губах застыла едва заметная усмешка, как будто он улыбался в лицо смерти. Старый чертяка...

Я подошла ближе и коснулась его небритой впалой щеки. Пальцы обожгло холодом — жизнь уже покинула его тело. Главный генератор сгорел и ремонту не подлежит. Рядом на столе сиротливо покоились все эти схемы и провода, в ожидании своего хозяина, который уже никогда не вернётся.

В памяти всплыла наша первая встреча на Либерти — тогда я побаивалась его и сторонилась. А потом был поход в Музей, и именно в то время я узнала его ближе. Назвать нас друзьями было бы не совсем верно. И всё-таки мы были близки. Теперь его нет, и ничего не попишешь.

Сегодняшний обед проходит в молчании. Смерть начисто отбивает желание чесать языком.

Ви-Ви, конечно, постаралась на славу — приготовила только то, что так любил наш гений... Грибной суп. Рагу с мясом. Я смотрю на боковой столик, где в прошлом году обычно трапезничал Шпанс, и сердце сводит судорогой. Стол давно пустует — в последние месяцы Шпанс ел у себя,

но сегодня наша повариха выставила тарелки в последний раз, как дань уважения и памяти старому учёному. От еды аппетитно поднимается пар, но Шпансу уже никогда не отведать замечательной стряпни Ви-Ви.

Мы похоронили его за хижинкой Рагны. Там нашёл свой приют и Магнус. Теперь вот и Шпанс покоится там, под деревом Мудрости. Десять лет на острове никто не умирал — только за его пределами, например, родители Крэма. Но не так давно смерть отыскала сюда дорогу и не желает покидать эти места.

— Пусть у Шпанса всё сложится там, наверху... — глухо произносит Ви-Ви, утирая глаза салфеткой. — А у нас — здесь...

— Хватит уже рыдать... От смерти никто не застрахован! — Илва демонстративно встаёт из-за стола. — Поели? Так давайте уже беритесь за работу.

Как я и думала, у этой женщины сердце высечено из камня. Магнус был суров и категоричен, но всегда старался поддерживать атмосферу дружбы и единения на острове. Илва соткана из другого материала. Настоящий алмаз: внешность прекрасной богини, а характер — беспощадной воительницы.

Я едва себя сдерживаю, чтобы не вспылить и не высказать всё, что о ней думаю. Пожалуй, хуже Илвы только Тина. Та, кстати, уже покинула столовую. Фолк прав. Всё изменилось. Все изменились. Я — так вообще другой человек. Так стоит

ли удивляться?

Работа сегодня валится из рук. На глаза то и дело наворачиваются слёзы. Ви-Ви всё понимает — сама платок из рук ни разу не выпустила, поэтому не наседает. Даже когда я разбиваю тарелку, не отчитывает, а только печально качает головой. Тьер тоже не причитает, хотя и занят чисткой желудей, которые просто ненавидит. Даже Бубба — и тот молчит, драит себе молча кастрюли.

Мои мысли всё время возвращаются к Шпансу. Если мне так тяжело далась его смерть, каково было Дину узнать о гибели собственного отца? Ничего не могу с собой поделать — сердце смягчается, и прежние чувства пробиваются на поверхность души.

Знаю, что буду жалеть, хотя... если не сделаю этого, буду жалеть ещё больше. Поэтому, когда Ви-Ви предлагает мне уйти пораньше, решительно снимаю фартук и отправляюсь на поиски Дина.

Ноги сами несут к дереву Мудрости. Издали замечаю поникшую фигуру. Дин застыл над могилой Магнуса.

Встаю рядом, нахожу его ладонь и несмело сжимаю.

Дин поворачивается ко мне — в глазах тоска и боль.

— Я скучаю по нему... — произносит он одними губами, но я всё равно его слышу. Сердцем.

— Знаю...

Я лишь крепче сжимаю его руку. Сегодня я просто не могу

иначе. А завтра... Кому какое дело, что будет завтра?

Глава 13. Правда

Вот уже несколько дней мы с Дином гуляем по вечерам, разговариваем, иногда я даже позволяю себя обнять. Нет, прежнего трепета от его прикосновений я не ощущаю, но ведь Фолк прав — я изменилась. Значит, нужно приспособиться к новой жизни и к новым чувствам — тоже.

О самом Фолке я стараюсь не думать. Слишком уж он беспечный и непокорный. И вечно норовит влезть ко мне в голову, а то и в душу, да потоптаться там, как следует.

— Эй, о чём задумалась?... — Дин берёт меня за руку, и я кожей ощущаю тепло его пальцев. Приятно.

— Уже ни о чём... — улыбаюсь в ответ.

Слова ни к чему. Мир обрёл привычные очертания, и я наслаждаюсь моментом: ведь уже завтра он может снова рассыпаться.

— Дин, я тебя везде ищу... — к нам спешит Илва, перепрыгивая через три ступеньки крыльца. В лучах заходящего солнца она походит на сурового воина. — Ты должен это увидеть. Немедленно...

— Что такое?

— Просто пойдём со мной! — она хватается Дина за руку и тянет за собой. — Нужно успеть до отключения генератора.

— Да что стряслось?..

— Сейчас увидишь...

— Хорошо. — Дин поворачивается ко мне. — Кара, ты составишь нам компанию?

— Её это никак не касается! — Илва резко тормозит. Смотрит на меня с прищуром. Потом замечает наши руки и хмыкает.

Обида застревает костью в горле, но я пересиливаю себя и произношу равнодушно:

— Иди...

Дин, замешкавшись лишь на секунду, упрямо тянет меня за собой.

— У меня нет от тебя секретов. Мы идём вместе и точка!

Илва недовольно поджимает губы, но больше не спорит.

Мы проходим мимо Дома и шагаем дальше по аллее. Я гадаю, куда лежит наш путь, когда Илва неожиданно сворачивает к домику Шпанса. При виде задёрнутых шторами тёмных окон, сердце сжимается от тоски.

Стоит нам войти, Илва сразу зажигает свет. Я оглядываюсь.

Здесь ничего не изменилось.

Провода и микросхемы сиротливо застыли на столе. Рядом раскуроченный моновизор. Никто уже не починит его, никто не затолкает его внутренности назад. Шпанс был настоящим мастером. Каждый проводок для него — как сосуд в теле человека. Не имея возможности починить собственное тело, он лечил приборы с какой-то одержимостью, даже любовью. А теперь его нет.

— Вот сюда.

Илва тянет Дина к ещё одному моновизору, который оказывается исправен и даже включён...

— Ты не знал, но твой отец попросил поставить маленькую переносную камеру у входа с внешней стороны. В целях безопасности. Он об этом никому не говорил, только мне... Когда случилось то, что случилось... я приходила к Шпансу. Просила показать записи той самой ночи... Но он сказал, что камера была неисправна... После его смерти я решила проверить... Чёрт его знает, почему он не удалил всё, если решил скрыть правду. Может, болезнь сказалась...

— Включай...

Дин уже как будто не слушает Илву. Его взгляд устремлён на монитор. Я тоже почти не дышу.

— Звука нет, только картинка, но и её достаточно...

Пальцы Илвы проворно бегают по клавиатуре, которую Шпанс подключал к устройству.

— Включай же, чёрт возьми!

Дина трясёт. Я кладу руку ему на плечо, но он тут же сбрасывает её. Наконец-то на экране появляется запись. Вот Магнус выходит из тоннеля. Изображение чёрно-белое и не очень чёткое, но это, без сомнения, он. Спустя несколько минут следом появляется... Фолк.

«Это ничего не значит, — твержу я себе. — Он мог поговорить с ним и уйти...»

Судя по расслабленным позам, они и правда просто ведут

разговор. Звука нет, и нам остаётся только догадываться, о чём идёт речь. В какой-то момент всё меняется. Фолк говорит что-то такое, отчего Магнус в ярости сжимает кулаки и подаётся вперёд. Но тот не отступает, даже маленького шага назад не делает.

Двое стоят лицом к лицу, доказывая что-то друг другу. Внезапно Фолк толкает собеседника в грудь, но разве такую скалу сдвинешь так просто с места? В Магнусе столько мощи и силы, куда Фолку тягаться с ним.

Магнус, словно разъярённый бык, бросается на своего папы и сбивает с ног. Усевшись сверху, он что-то шепчет, улыбаясь, и от улыбки его у меня мороз по коже.

По комнате расплзается тишина, такая гнетущая, что мне хочется взять что-нибудь и разбить, желательно — сам моновизор... Не желаю видеть то, что должно произойти, но и не могу отвести глаз. Вот Магнус сплёвывает Фолку на грудь и произносит что-то такое, отчего у того ладони сжимаются в кулаки — одной рукой он загребает землю, а в другой оказывается щербатый камень...

Мгновенье. Удар.

Я вскрикиваю, зажимая рот ладонью. Магнус валится на Фолка. Тот сбрасывает его с себя, наклоняется, встряхивает за плечи, будто пытаюсь разбудить, затем щупает пульс... Но глаза Магнуса красноречивее любого пульса — они неподвижно глядят в подёрнутое утренней дымкой небо с каким-то немим укором и удивлением, а по виску стекает

струйка крови.

Фолк, как и я, не может отвести глаз от тела, словно пристальный взгляд способен его оживить. Затем он протягивает руку и дрожащими пальцами прикрывает ему глаза... Потом проверяет карманы мантии и выуживает... *дневник Эйрика Халле*. Спрятав его в карман куртки, Фолк скрывается за дверью.

В области сердца чувствую неприятное жжение. Там, где во внутреннем кармане теперь уже моей куртки, лежит тот самый блокнот с золотистым тиснением на обложке. Я должна достать его и отдать Дину, это было бы правильно, но рука не слушается. Какое-то нехорошее предчувствие заставляет меня повременить, хотя я и понимаю, что чем дольше буду тянуть, тем сложнее будет потом объясниться. Но сейчас не это важно. Важно совсем другое. Фолк... Как же он мог сотворить подобное? В голове не укладывается.

— Дин... — я нерешительно трогаю его за рукав. — Мне очень жаль... — слова застревают в горле, но я всё-таки их произношу.

— Не думаю, что тебе действительно жаль, Кара. У тебя никогда не было родных, и ты не знаешь, что значит их потерять.

Ладони становятся влажными, а на глаза наворачиваются слёзы. Его слова больно ранят, ведь когда-то он был моей семьёй, а этот остров я называла Домом. Теперь же мне снова указали на моё место. И оно где-то в самом низу.

Дин медленно поднимается со стула, напоминая дряхлого старика. В глазах — тьма.

— Я его убью...

— Нет, Дин! Так нельзя... — я взываю к голосу разума.
— Мы же до конца не знаем, что между ними произошло!

Не знаю, что случилось в ту роковую ночь, но хочу верить, что у Фолка найдётся объяснение. В сознании нарывающими пузыряются его недавние слова, и я цепляюсь за них, как утопающий цепляется за обломок лодки в шторм. *У всего, что с нами происходит, всегда две стороны медали...* И я должна увидеть их обе!

— Илва, ну хоть ты скажи...

— Дин, мальчик мой... — последние лучи заходящего солнца отражаются в её глазах огненными вспышками. — Она права. Мы должны поступить так, как поступил бы Магнус...

— Мой отец мёртв! — шипит Дин. — Из-за него...

— Вот именно. И ты — наш новый лидер. А лидер должен держать себя в руках, должен сохранять хладнокровие. Ты должен показать, что ты сын своего отца, Дин!

— Что ты предлагаешь?

— Взять его под арест и провести суд. Пусть присутствуют все жители острова, пусть знают, что он сотворил. — Теперь янтарные глаза Илвы сверкают, будто расплавленное золото. — Вот увидишь, они сами потребуют его казни. Ты укрепишь свои позиции, а Магнус будет отомщён...

Я смотрю на этих двоих, но вижу не людей, а жаждущих крови зверей. И впервые, после возвращения на остров мне становится страшно.

К Дому возвращаемся в полном молчании. Дин сейчас от меня дальше, чем когда-либо. Но я не могу оставить всё так. Подхожу к нему и робко беру за руку. Его пальцы напрягаются, но всё-таки он не отнимает их.

— Что бы ты там ни думал, но вы — моя семья... — произношу с нажимом. — *Вы все...*

— Надеюсь, что так, Кара. Ты ведь ничего от меня не скрываешь?

Он смотрит испытующе, стараясь пробраться дальше, в самую глубь, туда, где запрятана душа. До Кульпы я бы ни за что не сумела выдержать его взгляд и отвела бы глаза, выдав себя с головой. Но я уже не та что раньше.

— Что я могу от тебя скрывать?..

— Скажи честно, ты знала, что Фолк убил моего отца? Вы ведь столько времени провели наедине...

Теперь в его голосе подозрение — холодное, мерзкое, колючее. Точно я угодила в кусты терновника и никак не могу выбраться на свободу.

— Нет! — здесь даже врать не приходится. — Думаешь, он взял бы и рассказал мне об этом? О, кстати, Кара, забыл сказать — это я убил Магнуса. Так, что ли, по-твоему?..

— Но что-то же он говорил?.. — лицо Дина искажает гри-

маса злости.

— Ну... Он сказал, что Магнуса умер и...

Я вспоминаю тот момент. Бесцветный голос Фолка. Взгляд в сторону.

— И?..

— И мне показалось, что ему жаль...

— Жаль, значит? — Дин мгновенно звереет. — Сейчас разберёмся...

Высвободившись, он уже торопится к Дому. Мы с Илвой — следом. Страшно подумать, что сделает Дин, как только найдёт Фолка. Фолка, который спас мне жизнь, рискуя собственной. Фолка, который вернул меня на остров. Смерть Магнуса — чудовищна по своей сути, но я не могу так просто отмахнуться от этого парня. Я должна что-то сделать. И решение приходит само собой.

На лужайке перед Домом народ уже наслаждается вечерней прохладой после рабочего дня.

Выискиваю среди толпы Фолка и, наконец, нахожу его лохматую макушку на другой стороне лужайки. Похоже, Дин его пока не заметил. Уже делаю несколько шагов по направлению к нему, но тут вдруг на поляну набегает громадная тень, словно от гигантского пухлого облака.

И наступает ад.

ИЗ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.